

СКАЗКИ И ПРЕДАНИЯ СЕВЕРА

ЯКУТСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1986

СОДЕРЖАНИЕ

Юкагирский фольклор

Росомаха	3
Девочка	4
Безобразный жених	7
Два брата	11
Одинокий Ади	17
Старик Сэмтэнэй	19
Почему спина росомахи черная?	26
Легенда о горных вершинах	29
Макушка Травяного Стебля	31
Хабанга	43

Эвенкийский фольклор

Мата Кокколдокон (Богатырь Рукавичка)	50
Нюнгурмок	65
Корэндо и Уинны	75
Три сестры и чудовище-манги	79
Манги-Деромго	82

С 42 Сказки и предания Севера. Для детей среднего и старшего возраста. /Сост. Г. Н. Курилов—Улуро Адо, Г. И. Варламова; Художник Н. Н. Курилов.— Якутск: Кн. изд.-во, 1986.—88 с.
15 к. 15000 экз.

В брошюре собраны фольклорные произведения юкагирского и эвенкийского народов. В оригинальных по сюжету сказках раскрываются мудрость, мечты и чаяния народа.

С $\frac{4803000000-123}{M 137-86}$ 070—86

82.3(2)

© Якутское книжное издательство, 1986

ЮКАГИРСКИЙ ФОЛЬКЛОР

РОСОМАХА

Была холодная зима. Сильные ветры вылизали все снега со льдов озер. Озера стали гладкие и скользкие.

Однажды по озеру неслась громадная росомаха. У нее только кости были большие, а ума в голове было совсем мало. Поэтому она полагала, что она сильнее всех.

Росомаха быстро неслась по озеру. В одном месте она поскользнулась, сильно стукнулась головой об лед и чуть дух не испустила.

Придя в себя через некоторое время, она подумала, что ее сбил с ног лед, значит, лед сильнее ее. «Спросить, что ли, об этом?» — подумала росомаха, но все же сначала решила добраться до берега — так безопаснее, мол.

Еле добравшись до берега, росомаха наклонилась ко льду и спрашивает:

— Йарха, разве ты самый сильный?

— Не-ет, — отвечает лед. — Солнце сильнее меня, оно растапливает меня.

Росомаха с недоумением посмотрела на еле светящееся солнце и спрашивает:

— Йэриэйэ, ты, что ли, самый сильный?

— Не-ет, — отвечает солнце. — Туча сильнее меня, она меня заслоняет,

Росомаха взглянула на тучу, которая в это время закрыла солнце и спрашивает:

— Сукундава, ты всех сильнее, что ли?

— Не-ет,— отвечает туча.— Ветер сильнее меня, он меня гонит туда-сюда.

Росомаха подняла нос кверху и спрашивает у ветра:

— Илийэ, говорят, ты сильнее всех. Это правда?

— Не-ет,— говорит ветер.— Дерево сильнее меня, стукнувшись о дерево я останавливаюсь.

Росомаха пошла искать дерево и спрашивает:

— Саал, ты, что ли, сильнее всех?

— Не-ет,— отвечает дерево,— человек сильнее меня, он меня рубит.

Росомаха пошла искать человека. Долго искала и вот наконец находит его, спрашивает:

— Шоромо, говорят, ты сильнее всех. Это правда?

— Да-а, правда,— сказал человек и стал бить палкой росомаху.

— Погоди, неужели в самом деле...— только и проговорила росомаха. Изогнулась и упала замертво.

Вот до чего было мало ума у росомахи.

ДЕВОЧКА

Это было очень давно, в те времена, когда на земле еще жили чуследжи—старинные люди.

Однажды дочь старинных людей пошла за ягодами. Ягод было так много, что девочка не заметила, как оказалась в совершенно незнакомой ей земле. Посматривает вокруг—ничего не может понять, все здесь незнакомо. А земля вокруг вся красная—так много было ягод.

Девочка пошла направо, думая, что на этой стороне находится ее дом. Идет-идет, вдруг видит, кто-то прошел топчя ягоды. Пошла по этому следу. Вскоре она наткнулась на кем-то забытый малахай. Девочка радостно схватила малахай, думая, что кто-то есть поблизости и он поможет добраться ей до дома. Но оказалось, что это ее малахай. Тут девочка совсем растерялась и горько заплакала.

В это время из-за туч выглянуло солнце Йэрпэйэ. Стало светло и тепло. Девочка обрадовалась и крикнула солнцу:

— Йэрпэйэ, подскажи, на какой стороне находится мой чум?

— Ягод еще много, поблуждай еще немножко, пусть это тебе будет хорошим уроком, не будешь терять впредь свою голову,— сказала Йэрпэйэ и, улыбаясь, добавило:— Чересчур не пугайся, не дам тебе замерзнуть, мои угли еще горячие.

Тут девочка впереди себя увидела озеро Йалгил. Побежала туда и спросила:

— Бабушка, на какой стороне находится мой чум?

— Поблуждай еще немножко, не будешь чересчур терять голову,— сказала Йалгил и тихо добавила,— только слишком не пугайся, моя вода талая, без воды не останешься.

У озера была сопка. Девочка пошла туда.

— Дедушка,— сказала она.— Не знаешь, на какой стороне находится мой чум?

— Зачем так теряешь голову? Блуждай еще немножко. Если замерзнешь в тени моих увалов разогреешься,— сказал Едома.

— Сукундава! — крикнула девочка туче наверх,— скажи на какой стороне находится мой чум?

— Мои дождевые капли еще теплые, не дам тебе замерзнуть. Блуждай еще немножко,— ответила ей туча— Сукундава.

— Илийэ! — обратилась девочка к ветру,— не знаешь, на какой стороне находится мой чум?

— Не дам замерзнуть тебе, попридержу свое холодное дыхание, так что еще блуждай немножко,— сказал ветер Илийэ.

Тут девочка опять заплакала. Громко заплакала, услышав ее плач, прискакал заяц Ойэгэ.

— Отчего плачешь, махльуо? ¹ — спросил он.

---

¹ М а х л ь у о — обращение к племяннице.

— Дом свой потеряла,— сказала девочка.

— О, бедная,— сказал Ойэгэ.— Во-он, видишь холм? За тем холмом находится твой дом.

Девочка плача направилась к тому холму. А навстречу ей песец Нявниклье.

— Отчего ты плачешь, негодная девочка?— спросил, усмехаясь, песец.

— Потеряла свой дом,— отвечает девочка.

— О, бедная! Впрочем, жалеть не буду, сама виновата! Зачем до такой степени теряешь голову! — Пожурил песец и указал в каком направлении надо идти.

Идет девочка и плачет. И вдруг ее останавливает медведь Хаичетэгэ.

— Отчего плачешь, внученька моя?— спрашивает медведь.

— Дом свой потеряла,— бормочет девочка.

— О, бедная! Иди вот так,— сказал медведь и пожурил.— Нельзя-я же так до помрачения ума есть богом данную пищу.

Тут уж девочка заплакала навзрыд. Долго так плакала и вдруг поняла, что все это происходило во сне. Она лежала посреди ягодной полянки. Дом ее виднелся невдалеке, прямо перед ней.

С тех пор люди говорят: «У того, кто без меры увлекаясь начинает думать о чем-либо одном, все другие его мысли могут совсем уснуть».

БЕЗОБРАЗНЫЙ ЖЕНИХ

Жили муж с женой. Жили не бедно, все у них было — и еда, и хорошая одежда, и сильные олени.

Была у них одна-единственная дочь. Отец и мать очень любили свою дочь, берегли ее. Не пускали даже играть со сверстниками и сверстницами.

А время шло. Девочка росла, превращалась в девушку. Все красивее и стройнее становилась. Но одновремен-

но она становилась все замкнутей, неразговорчивей, Даже перестала смеяться.

Родители ломали голову, что же происходит с их единственной дочерью.

А девушке хотелось лишь одного — она хотела выйти замуж за юношу, который гостил у соседей. Она целыми днями думала о нем, но сказать вслух о своем желании не решалась.

Вот однажды отец и мать пошли нарубить хвороста. Дочку одну оставили в чуме.

Мать вскоре вернулась назад, неся хворост. И вдруг, подходя к чуму, она услышала пение в чуме. Это пела ее дочь.

О как красив и силен
Молодой самец дикого оленя!
Но он совсем не подходит
К одной молодой важенке,
Несмотря на то, что
Все время на него глядит
Эта красивая важенка!
И никто не догадывается
Как важенке тяжело
Скрывать свое желание
Глубоко в сердце!

В это время подошел и отец, неся тальник. Мать рассказала ему об услышанном. И тут они догадались, что их дочь хочет выйти замуж.

На другой день отец девушки поговорил с соседями и было решено собрать юношей стойбища в чуме девушки. Надо сказать, никто из соседей не знал настоящего имени девушки, так как ее родители, стараясь побереечь дочь от злых духов, звали не по ее настоящему имени.

И вот, когда собрались юноши, отец девушки сказал: — Моя дочь выросла и хочет перебраться в свой чум. Хозяином этого чума станет тот, кто правильно угадает ее имя.

Трое юношей тут же покинули чум, сославшись на то, что они собираются стать хозяевами других чумов. Среди оставшихся же был и тот, которого полюбила девушка.

Юноши сидели, опустив головы вниз — никто не смог правильно назвать имя девушки.

Девушка сидела тут же в чуме и страшно переживала за того юношу. Наконец, не выдержав, она шепнула свое имя. Но юноша был туговат на ухо и не расслышал подсказки девушки. Зато этот шепот услышал другой юноша с грязным и безобразным лицом, одетый во что-то лохматое, изорванное. Он и крикнул радостно:

— Я знаю! Я узнал!

И назвал имя девушки.

Увидев безобразного нищего, отец девушки даже поморщился от отвращения. А девушка залилась слезами:

— Ну что ж поделаешь, доченька, не плачь, — сказал наконец отец. — Слова мои уже не мои, поперек них идти не можем, грех!

Затем он проводил юношей до двери и обратно вернулся на свое место. Безобразный юноша сидел на том же самом месте и от него исходил тяжелый, смрадный запах. Отец девушки опять брезгливо сморщил нос и сказал юноше:

— Ты пока переночуй у соседей. А там, что ж, забережь свою жену.

На другое утро юноша пришел за своей невестой. Та ни за что не хотела идти замуж за него и, не выходя из своего ровдужного полога, горько плакала.

Мать стала уговаривать юношу пока не забирать свою жену, пусть, мол, еще немножко побудет в родном чуме. Но тут заупрямился отец девушки, считая большим грехом невыполнение своего слова.

Наконец, молодожены собрались в путь. Невесту покрыли ровдугой и муж увел ее от родителей.

Девушка всю дорогу беззвучно плакала, а потом в изнеможении заснула, прислонившись к спине мужа.

Юноша, оказывается, был сиротой. Жил в старом, изорванном чуме. Внутри чума лежали облезлые шкуры. Не было ни стола, ни посуды. Отовсюду несло чем-то гнилым, тяжелым запахом.

У девушки опять появились горькие слезы. И она села прямо у входа. Муж же ее, ничего не говоря, ушел. Девушка только рада была этому, ей противно было даже видеть его безобразное лицо. В душе она очень хотела, чтоб с ним что-нибудь случилось, тогда бы она вернулась обратно домой, к родителям.

Так она сидела и горько плакала. И, незаметно для себя, уснула.

Она не знала долго ли, коротко ли спала, но удивилась тому, что лежит на мягкой постели. И онидигиль¹ ей показался высоким, и ровдуга чума новой. Села девушка, поглядывает вокруг — вся внутренность чума стала чистой. Откуда-то появился стол, на нем стоит разная еда. Пол застелен белыми шкурами.

«Неужели вижу сон?!» — подумала девушка и ущипнула себе кожу на руке. Нет, все было наяву.

И тут до ее слуха донеслись голоса танцующих людей.

Она поднялась и, приоткрыв дверь, выглянула наружу.

На улице люди танцевали, взявшись за локоть друг друга. Среди них выделялся один стройный красивый юноша.

«О, хоть бы таким был у меня муж!» — подумала девушка, но, вспомнив своего безобразного мужа, тут же у входа села и опять заплакала.

И тут в чум зашел тот красивый юноша. Снял свой кафтан, положил у изголовья постели, в которой спала девушка. Вытер рукой выступивший на лбу пот. Девушка молча наблюдала за ним, он ей показался красивее прежнего.

— Ну что сидишь у входа? — вдруг спросил юноша.

— Не знаю, — смущенно сказала девушка и неуверенно спросила: — У меня был жених, где он сейчас?

— Я и есть, — ответил спокойно юноша.

— Да нет, он не такой был, — сказала девушка.

— Это я специально одевался в плохую одежду.

---

¹ Онидигиль — дымовое отверстие чума.

— Почему?— спросила девушка и вспомнив, как она ему желала плохого, смутилась и опять заплакала. Но это уже были слезы не тоски и печали — это были слезы радости.

А через несколько дней молодожены поехали навестить своих стариков. Те тоже не могли нарадоваться от удивительного превращения безобразного воиющего зятя в красивого, статного мужчину.

Вскоре они переехали в стойбище зятя и все стали жить вместе.

ДВА БРАТА

Жили два брата. Они краешком ума помнили, что у них были мать и отец, другие взрослые люди. Но куда они подевались, они не знали.

Каждое утро они уходили из дому. Они хотели узнать, нет ли поблизости кого-либо, подобных им. Они взбирались на высокие холмы и горы, обегали широкие равнины, переправлялись через большие и малые реки, но нигде не было даже признаков человеческого жилья.

Братья были удачливыми охотниками. Но диких оленей добывали только на еду и одежду — лишнего не убивали. А других зверей и птиц не трогали, поэтому некоторые из них даже подружались с братьями.

Со временем братья стали сильными, ловкими, быстроногими юношами. Сейчас уже не надо было им подкрадываться к диким оленям, чтоб подстрелить их из лука. Теперь они, догнав оленя, хватали за рога, роняли на землю и закалывали.

Так и жили.

Но вот однажды на своем пути братья заметили два белых чума. Подошли к ним, посоветовались и зашли в разные чумы.

Когда через некоторое время они опять встретились, старший брат спросил:

— Что ты видел в чуме?

— Красивую девушку! Девушку с очень красивым взглядом! А ты?

— Я тоже красивую девушку видел! Белую как луну девушку!

— Что будем делать?

— Не знаю... Если б они согласились дружить с нами, то наша жизнь стала бы светлей и веселей.

— Мои мысли тоже так говорят. Давай еще раз зайдем к ним и поговорим, может, согласятся с нами дружить.

Сказано — сделано: братья опять зашли в чумы. Через некоторое время они встретились в условленном месте.

— Ну, что сказала твоя девушка? — спросил старший брат.

— Она сказала, что у нее есть старший брат. Сейчас он находится где-то на охоте.

— Моя тоже так сказала. Оказывается, без его ведома они ничего не делают.

— Давай пойдем искать их брата!

— Давай!

Сказано — сделано: юноши побежали искать брата этих девушек.

Искали день, искали два дня, на многие холмы и горы взбирались, много больших и малых рек пересекли, много широких равнин обошли, но нигде не могут найти того охотника.

На третий день они решили вернуться к девушкам — может, в это время уже вернулся их брат с охоты? Но там, где были белые чумы, чернели только потухшие очаги. Стали искать их следы, нигде даже трава не помята.

Сели юноши и призадумались. Думали-думали, ничего не придумали, ни одной мысли не пришло на помощь.

— Что будем делать? — спросил младший брат, когда солнце начало скатываться вниз.

— Пойдем куда глаза глядят, куда понесут ноги.

Так и сделали.

Идут-идут братья — в незнакомые места пришли. И вдруг вдали три чума виднеются. Один большой, два других маленькие.

Подойдя к чумам, братья сразу узнали чумы своих девушек. И зашли туда. Но девушки на этот раз повели себя совсем по-другому — они схватили деревянные сускараалы¹ и ими стали выталкивать юношей из чума.

Братья очень удивились такой перемене поведения девушек и пошли к большому чуму.

Потянули дверь чума — не поддается.

Тогда они стали колотить дверь палкой — никто не отзывается. И вдруг кто-то громко чихнул внутри чума, а затем раздался голос Чуонкорэла².

— О-о, хорошо что печенки сами себя привели! Вот полакомлюсь-то!

Братья бросились прочь от чума. Чуонкорэл погнался за ними.

Братья были быстрыми бегунами, но людоед не отставал — юноши все время слышали его близкое дыхание за спиной.

Так бежали очень долго. Старший брат начал отставать и в это время людоед даже схватил его за кафтан сзади. Юноша из последних сил вырвался от него и у людоеда в руках остался лишь оторванный край кафтана.

Тем временем людоед остановился, очевидно, он рассматривал свою добычу. Но потом громко вскрикнул обиженным голосом: «А-а-а!!!» и опять бросился вдогонку за братьями.

Тут старший брат, бежавший сзади младшего, запел так:

Мой младший братишка!
Побежишь по краю

---

¹ С у с к а р а а л — деревянная палка с загнутыми концами для подвешивания котлов и чайников над очагом.

² Ч у о н к о р э л — чудовище, людоед (букв. «железное чудовище»).

Впереди нас лежащей
Болотистой поляны,
А вдруг чайки
Начнут заслонять
Глазиши
Этого железного чудища!

Младший брат сделал так, как попросил старший — побежал по краю ульигийэ. Старший брат опять запел, на этот раз обращаясь к чайкам:

Хулархаапа¹,
Давайте, постарайтесь показать
Все, чем вы сильны!
Людоед за нами гонится,
Желая нас съесть!

Услыхав это, чайки бросились на людоеда и стали нападать на него. Пока тот отбивался от чаек, братья ушли от преследователя.

Наконец людоеду надоели чайки и он пронзительно вскрикнул. Чайки все, распластав крылья, попадали на землю.

Людоед опять погнался за братьями.

Опять бежали долго, перепрыгивая множество больших и маленьких рек, взбираясь на холмы и невысокие горы.

Старший брат опять начал отставать и запел так:

Мой младший братишка!
Побежишь по краю
Впереди нас стоящей
Большой сопки.
Соколы и канюки,
Может, начнут заслонять
Глазищи
Этого железного чудища!

Младший брат сделал так, как попросил старший. Когда они поднимались по краю сопки, старший брат опять запел:

Соколы, канюки!
Вот сейчас съест нас

---

¹ Х у л а р х а а п а — чайки.

То огромное
Железное чудище!
Задержите как-нибудь
Его ненадолго,
Пока мы выдохнем
Застрававшее в нас дыхание!

Услыхав это, канюки и соколы бросились на людоеда, острыми когтями стали бить его, не дают ему даже открыть глаза. Пока чудище отбивалось, братья пошли замедленным, спокойным бегом. И опять восстановили силы.

Наконец людоеду надоели наседавшие на него птицы и он громко рявкнул. Канюки и соколы, распластав крылья, попадали на землю.

Людоед опять погнался за братьями.

Опять бежали долго, перепрыгивая реки, переваливая через высокие холмы и горы.

Старший брат опять начал тяжело дышать, снова дыхание стало спирать. И он запел:

Мой младший братишка!
Видишь, во-он впереди
Орлы, наши дедушки,
Летают, не так ли?
Беги туда,
Может быть, ненадолго
Они задержат
Это железное чудище.

И действительно, увидев людоеда, орлы бросились на него. Бьют его по голове огромными когтями, не дают ему шагу сделать.

Людоед долго отбивался от орлов. Наконец надоели ему орлы и он страшно завопил. Орлы, распластав крылья, попадали на землю.

И опять людоед бросился за братьями. Теперь он гнался, все время покрикивая:

— Не уйдете! Ваши печенки все равно выдавлю!

Тут, откуда ни возмись, на людоеда набросились медведи. Грызут его ноги, руки. А чудище раскидывает их туда-сюда, не дает им свалить себя. Наконец чудище

заревело так, что задрожала земля. Медведи все упали в обморок.

Увидев это, старший брат сказал меньшому:

— Вот и все. Нет у меня слов больше. Поднимемся вон на тот монхо¹ и сядем лицом к нему.

Когда братья, поднявшись на монхо сели на землю, людоед уже настигал их. Но как только юноши сели, он остановился, топнул ногой о землю и превратился в юношу.

— О, вы, оказывается, добрые молодцы! Умаете очень многое!— сказал он, вытирая, капли пота со лба.— Ваше умение выше даже, чем у меня.

— А почему ты так нас мучил?— спросили братья, удивленные чудесным превращением людоеда в своего сверстника.

— Это я проверял вас,— сказал он и рассказал наказ своих родителей.

Оказывается, у него есть зять, муж старшей сестры. От лени он даже на охоту не ходил, все время лежал в постели. Юноша и для них добывал диких оленей, поэтому долго пропадал. И вот родители, перед смертью, оказывается, дали наказ — не выдавать сестер замуж за кого попало, чтобы не мучились они, как старшая сестра.

ОДИНОКИЙ АДЛ²

Когда-то, много-много лет тому назад, один Адил вдруг понял, что он человек. Но он не знал ни отца, ни матери, ни своего имени. Не знал и о том, как он попал в эти края, как оказался при нем этот его чум, этот его лук и стрелы. Не знал, не ведал и о том, понимает ли кто-нибудь его язык, и вообще, есть ли под этим высоким небом хоть одно подобное ему существо.

---

¹ Монхо — одиноко стоящий курганобразный холм.

² Адил — молодой человек, достигший совершеннолетия, но еще неженатый.

Он очень хотел найти кого-нибудь, который понимал бы его язык, который вместе с ним ходил бы на охоту, рассказывал о том, как и откуда появились все эти озера и реки, звери и птицы. Наконец, он очень хотел узнать, откуда он появился, есть ли у него отец и мать, ведь даже у зверей есть отец и мать, значит, и у него тоже должны быть родители.

Все эти мысли не давали покоя Адилу. Они, эти мысли, были как комары, часто щекотали его голову, и чтоб этот невыносимый зуд прошел, он бегал по близлежащим холмам и горам. Но вокруг было пусто, на его пути встречались только четвероногие звери да существа, имеющие крылья. У Адила было ружье. Оно выстреливало стрелой, издавая при этом громкий шум.

Однажды он пошел на охоту. Вскоре он увидел огромного самца Талау¹. Подкрался к нему, выстрелил и убил. Быстро снял его шкуру, вытащил внутренности, разделал тушу. И вдруг откуда-то сверху пение раздалось, пела женщина.

Иэвлугэ²,
Милый человечек!
Кинь мне, пожалуйста,
Кусочек сингаа³
Я бы тогда
Немножко поела,— говорилось в песне.

Юноша, ни слова не говоря, выдернул сингаа и кинул наверх. Она тут же исчезла в облаках. Юноша не стал удивляться, положил мясо в сумы и понес домой.

На другой день юноша опять пошел на охоту. И снова ему попался огромный Талау. Убил его, содрал шкуру, вытащил его внутренности, разделал тушу. Тут опять сверху слышалось пение:

Иэвлугэ,
Милый человечек!

---

¹ Т а л а у — юнагирское название дикого оленя.

² И э в л у г э — слово с ласкательным значением.

³ С и н г а а — кишка, наполненная внутренним жиром.

Кинь мне, пожалуйста,
Кусочек мяса.
Я бы тогда
Опять поела.

Юноша вырезал жирный кусок мяса и кинул наверх. Он тут же исчез в облаках. Юноша не стал удивляться, положил мясо в сумы и понес домой.

«Теперь у меня мяса много, хватит надолго, — подумал юноша вечером. — Завтра еще разик схожу на охоту и прекращу охотиться. Хозяйка Земли может обидеться, если слишком много ее детей истреблю».

Назавтра снова добыл он дикого оленя. Когда кончил разделывать тушу, опять раздалось пение:

Иэвлугэ,
Милый человечек!
Это я опять пою.
А сама-то я — девушка.
Желая стать твоей женой
Прихожу к тебе.

И тут перед юношей возникла белолицая красивая девушка, от взгляда которой сердце Адила стало прыгать как олененок, увидевший свою мать.

— Оу, молилэдэ! ¹ — только и мог вскрикнуть поэтому Адил.

Оказывается, это была дочь Верхнего мира. Она народила множество мальчиков и девочек. Из них выросли сильные и ловкие охотники, настоящие юкагиры. А девочки превратились в таких девушек, от одного взгляда которых все вокруг теплело, становилось красивым.

СТАРИК СЭМТЭНЭЙ.

Жил да был старик Сэптэнэй. Жил со своей старухой. И был у него один огромный кобель.

Сэптэнэй ставил пасти и туда попадались только зай-

---

¹ М о л и л э д э (межд.) — приблизительно означает удивление.

цы. Старуха обдерала шкуры зайцев, а затем отделяла сухожилия от мяса и сушила. Когда высохали сухожилия, она их сучила. И получались нитки. Из них Сэмтэнэй начал делать силки и ставить на куропаток.

Сэмтэнэй каждый день ходил проверять свои силки и пасти. Теперь он приносил не только зайцев, но и куропаток.

Работы прибавилось и у старухи. Она стала дробить кости и варить, получала много жира. Его она замораживала в плоской посуде и клала на лабаз.

Жили они так, жили. Хорошо жили. Не могли жаловаться на свой богатый куропатками и зайцами ивняк. И так жили бы да жили, но с какого-то времени ивняк начал скупо давать живность. А потом вовсе перестал давать куропаток и зайцев.

— Давай перекочуем, — сказал тогда Сэмтэнэй, — поищем другой ивняк.

У старика были санки. Из тальника изготовленные санки. На эти санки положили разобранный тордох, жерди чума. И тронулись в путь.

Шли они, шли целый день, подыскивая хороший ивняк.

И вот они облюбовали одно место и поставили там тордох. Попили-поели. И тут обнаружили, что последнюю чашу с жиром забыли на прежней стоянке. Что ж поделаешь, не возвращаться же назад на ночь глядя, поругал старик старуху за такую забывчивость и пошел ставить силки и пасти.

На другой день Сэмтэнэй пошел проверять силки — ничего нет. Вернулся к старухе с пустыми руками.

— Пойду-ка за жиром, — сказал старик и пошел, таща свои санки.

Вот дошел до лабаза. Положил чашу с жиром на санки и повернул обратно.

Идет, идет по своему следу, поругивая свою старость. «Если бы я был молодой, разве из-за одной чаши возвращался на прежнюю стоянку! Лучше бы подстрелил ди-

кого оленя и притащил самые вкусные его части старухе!» — думал он, еле передвигая состарившиеся ослабевшие ноги.

И вдруг, откуда ни возьмись, раздался человеческий голос:

— Дедушка, тебе тяжело, да?

— Не-ет,— сказал старик, оборачиваясь на голос.

Оказывается, это песец говорил по-человечьи. Он был жудой, видно было, что давно сытно не ел.

— Давай тебе помогу.

— Ладно.

— Только ремень на шее туго не привязывай.

Старик накинул ему ремень на шею.

Вот вдвоем пошли, таща санки. Старик идет впереди, а песец позади идет. Когда Сэмтэнэй шел, песец взбирался на санки и грыз жир. Когда же старик оборачивался, песец быстренько соскакивал с санок и, высунув язык, делал вид, что старательно тащит, вот-вот упадет от изнеможения.

Но только старик отворачивался, тут же взбирался на санки и в большой спешке начинал грызть жир. Да так перестарался при этом, что отломил себе передний зуб.

Когда жира в чаше не стало, песец остановил старика и сказал:

— Ну, дедушка, теперь меня отпусти, совсем недалеко осталось до твоего дома.

Старик отпустил песца и сказал:

— Молийиш!¹ Крепко ты мне подсобил, сильно помог.

Вот наконец добрался до дома старик Сэмтэнэй. Зашел в тордох, сел и велел занести чашу с жиром.

Старуха что-то шила. Бросила свое шитье и радостно выбежала из тордоха. Но вскоре медленно зашла, держа пустую чашу.

— А жира-то нет... только зуб лежит.

Старик не поверил, схватил чашу. А там только зуб

---

¹ М о л и й и ш — выражение признательности, благодарности.

лежит. И сразу догадался, что это зуб давешнего песка, что он жестоко обманул его. Только сказал:

— Эх, окаянный! Это песец съел, оказывается!

— Ну ладно,— сказала старуха.— Иди — проверь силки и пасти, может, что-нибудь попало.

Силки стояли пустые. Даже следов куропаток не было поблизости.

Тогда старик пошел к своим пастям. Они тоже были пустые.

«Что же мне делать?— подумал старик, стоя возле одной своей пасти.— Меня никто еще не обманывал. А вот этот песец обманул. Очень обидел меня».

Потом он вслух сказал самому себе:

— Проучу этого обманщика.

С этими словами он вытащил стрелу, прорезал ею свои штаны и, постанывая, стал кричать:

— Ра-ра-ра!

На его крик прибежал песец и спросил:

— Что с тобой, дедушка?

— Попался в свою пасть, вот ногу искалечил. Помоги мне, позови зверей, шамана тоже приведи.

— У нас, песцов, нет шамана. Разве только заячьего шамана приведу.

— Приведи-приведи, лишь бы был шаман.

Песец побежал звать зверей.

Вскоре к старику прибежали песцы и зайцы. Схватили Сэмтэнэ со всех сторон и притащили его домой.

Старушка испугалась и спрашивает у старика:

— Что с тобой случилось?

— Да вот покалечился из-за своей пасти. Думаю, не умру, сейчас заячий шаман поможет мне.

Вот начал камланить заячий шаман. Прыгает вокруг потухшего очага и приговаривает:

Худиэ-худиэ!

Дух стрелы Сэмтэнэ

Еще не нашелся!

Худиэ-худиэ!

Почему это
Не хочет обнаружиться
Дух стрелы Сэмтэнэя?!

Старик лежал и постанывал. Зайцы и песцы сидели на левой половине тордоха. Старуха сидела у ног старика.

Старик, прекратив стоны, шепнул старухе:

— Закрой, хорошенько дверь. Ра-ра-ра!

Тут к старухе прибежал один песец и спрашивает у нее:

— Бабушка, а, бабушка! Что сказал дедушка?

— Да не-ет. Это он в забытьи что-то болтает.

А заячий шаман все прыгает, приговаривая:

Худиэ-худиэ!
Дух стрелы Сэмтэнэя
Еще не нашелся!
Почему это
Не хочет обнаружиться
Дух стрелы Сэмтэнэя?!

Старик опять шепчет старухе:

— Старуха, положи возле меня свой деревянный сускараал. Ра-ра-ра!

Тут песец опять:

— Бабушка, а, бабушка! Что это он сказал, дед-то?

— Эа, умирает, бедный... в забытьи он это болтает...

Старик приметил этого любопытного песца, но тот ли он обманщик — сказать было еще трудно. «Вот если бы заставить его раскрыть рот, — подумал он, — тогда другое дело. А так и совсем невинного можно убить».

Подумав так, Сэмтэнэя неожиданно для всех сел и сказал шаману:

— Мэлитэгэ!¹ Ты меня вылечил! Вот увидите, я сейчас встану.

С этими словами старик поднялся на ноги, сделал несколько шагов и даже подпрыгнул.

— Видите, я совсем выздоровел! Теперь я сам по-

---

¹ М о л и т э г э — выражение признательности.

камлаю, заячьего шамана буду благодарить. Но надо мне сначала выйти на улицу, надеть свою шаманскую одежду.

Сэмтэнэй вышел из тордоха, надел другую одежду. В свои штаны напихал сухого мха и в нескольких местах проткнул их ножом.

А песец — старухе:

— Бабушка, а, бабушка! А зачем ты положила сускараал у ног дедушки?

— Эа, я ведь тоже ум потеряла из-за старика и не знаю, что делаю.

В это время зашел старик и сразу начал камлать:

Коккой-кокой хоньо-хой! ¹
Мой друг, моя половина
Хорошенько закроет дверь!

Старуха догадалась и плотно закрыла дверь. Увидев это, давешний любопытный песец сел поближе к двери.

Меж тем старик входил в раж — неистово мотая лохматой головой и покрикивая на разный лад, начал прыгать вокруг очага. Да так запрыгал, что мох стал сыпаться через дыры штанов.

Тут все сидящие громко засмеялись, захохотали, широко раскрыв рот. Только песец у дверей странно смеялся, прикрывая лапой верхнюю часть своей пасти:

— Си-си-си!..

Теперь у старика не оставалось сомнения — обманщик сидел у входа.

Он схватил сускараал и стал бить того песца. Тот бросился в гущу других зверей. Старик — за ним.

Через некоторое время песец лежал бездыханный. Рядом с ним лежали еще несколько зверей, — эти под палку Сэмтэнэя попали, когда обманщик прятался за них. Многие же, в том числе и заячий шаман, убежали, выскочив под сириллом ² тордоха.

— Ну давай, старуха, отвори дверь. Кажется, обманщика убил я, — сказал Сэмтэнэй.

¹ Арханческое выражение, непереводаемо.

² С и р и л — нижний край покрывала тордоха.

Но карзубый песец был жив, он только притворился, что мертв. И как только старуха открыла дверь, он выскочил наружу.

Старик выбежал за ним. Отпустил с привязи свою собаку. Та бросилась за песцом.

Старик пошел по их следам, держа в руках топорик.

Песец между тем прискакал в заброшенную нору и мигом влетел в нее.

Когда старик доковылял до норы, собака уже копала нору. Старик тоже начал копать топором.

Копали долго. Уже начало смеркаться.

Тут до старика донесся из-под земли стон. Затем, сквозь стон, слышались тихие слова:

— Дедушка, зачем ломаешь мой дом? Я нахожусь при смерти... да и полуслепой я, давно света ясного не вижу.

Стон был тяжелый, непрерывный.

Старик прекратил копать и сказал:

— Я это... пришел за песцом-обманщиком. А где он?

— Не знаю, дедушка. Откуда мне знать-то?!

С этими словами песец начал сыпать песок в глаза. Всыпал так, что слезы стали течь по щекам.

— Дедушка, коли не веришь мне, взгляди на меня, — сказал песец сквозь стоны и высунул морду. И правда, песец с красными от песка глазами, был очень похож на несчастного больного.

— Этуу!¹ Дом больного портил, оказывается! — сказал виновато Сэмтэнэй и, обращаясь к своей собаке, добавил: — Что ж поделаешь, пойдем домой.

Когда они отошли далеко, сзади раздался крик:

— Стари-ик! Сэмтэнэ-эй! Меня ты не уби-и-ил! Это я твой жир съе-ел!

— Фу ты! — только и сказал старик, глядя на удаляющегося песца.

Уже затемно, он добрался до своей старушки. Та трудилась в поте лица — освеживывала туши животных.

¹ Этуу — междометие, выражающее жалость.

Говорят, с тех пор старик со старухой опять стали жить сытно. Может, и до сих пор живут.

Еще говорят, обман живуч потому, что может рядиться в самые различные облачения.

ПОЧЕМУ СПИНА РОСОМАХИ ЧЕРНАЯ?

Встретились лиса и медведь. Медведь большущий, лиса малюсенькая.

Лиса смотрит на медведя восхищенными глазами — такой здоровый, сильный! Наверное, никого не боится!

— Дед, ты кого-нибудь боишься на этой земле? — спрашивает она.

— Боюсь, — отвечает медведь.

— А кого?

— Куропатку...

— Как?! — недоумевает лиса. — Ведь она такая маленькая!

— Очень уж внезапно вылетает из-под самых ног! Так пугает, что чуть сердце у меня не разрывается.

— А я ее не боюсь, — говорит лиса. — Я ее, если поймаю, ем. Вот человека, вот его я боюсь.

— Я человека не боюсь, — сказал медведь, спокойно и уверенно. — Зачем мне его бояться?! Я их ем — все равно как ягоду.

Лиса так и этак поглядывает в глаза медведя — не разыгрывает ли его. Но медведь сидит спокойно, пожевывая что-то.

«Ну, ладно, — думает лиса. — Посмотрим, как ты будешь их есть!»

Подумав так, она сказала:

— Дед, а я недавно во-он там много ягод видела. Пойдем туда!

— Ладно, пойдем, — сказал медведь и пошел за лисой.

Лиса побежала быстро, медведь идет не спеша по ее следу.

Лиса прибежала к человеку и говорит:

— Я к тебе медведя веду, поджидай здесь.

Человек стал поджидать медведя, держа наготове лук со стрелой. А лиса прискакала к медведю и сказала негромко:

— Во-он там найдешь ягоду.

Медведь пошел туда, а лиса спряталась и наблюдает за ним.

Идет-идет медведь и вдруг что-то больно ударило в брюхо — это стрела человека попала в него.

Медведь схватился за живот и побежал назад, тяжело постанывая. А навстречу — лиса.

— Дед, что с тобой?

— Что-то живот разболелся, — сказал с трудом медведь и пошел дальше, к себе домой.

Дома ему совсем плохо стало — вот-вот умрет. Еле-еле окликнул своих детишек и сказал:

— Дядю позовите.

Дети побежали и вскоре к умирающему отцу привели арнубою¹.

— Вот умираю. Попытайся вернуть меня к жизни, покамлай...

Арнубоя начал шаманить, прыгать вокруг очага. Прыгая так, он заметил сало, торчащее из раны медведя. И тут, вместо того чтобы спасти умирающего, кукул² начал есть это сало!

Медведь стал задыхаться.

— О, детишки мои! Совсем темно становится в глазах! — крикнул он из последних сил и, в предсмертных судорогах, случайно задел арнубою лапой. Тот отлетел прямо в горящий очаг! Кы-ы-кэ!³ Так ему и надо!

Арнубоя с горящей спиной выскочил из дома медве-

---

¹ Арнубоя — росомаха.

² Кукул — черт (*rugar*).

³ Кы-ы-кэ! — междометие, выражающее злорадство.

дя, покатался по земле, туша огонь, и с диким воплем бросился к себе домой.

Никогда он в жизни не знал такой страшной боли!

Дома матушка стала лечить его: вырезала кусок продымленной замши, покрыла им обожженное место и зашила.

Вот с тех пор спина арнубой стала черной.

ЛЕГЕНДА О ГОРНЫХ ВЕРШИНАХ

Жила-была молодая, незамужняя женщина. Ее звали Чомо Чуводже — Щедрое Сердце.

На той же местности жил молодой мужчина по имени Лагаек. Он постоянно ссорился с Куогэлгиэ — с молодым мужчиной, жившим здесь же.

Ругались, ссорились из-за Щедрого Сердца — она позволяла ухаживать обоим мужчинам. Однако ее сердце больше лежало к Куогэлгиэ. От него она родила ребенка.

Узнав об этом, уязвленный Лагаек начал воевать с Куогэлгиэ. Никто из них не победил.

Тогда Лагаек схватил ребенка Щедрого Сердца и бросил в воду. Он не утонул, его понесло течением вниз по Колыме и прибило к берегу напротив устья реки Столбовая.

Там он превратился в красивый остров-утес, гордый и неприступный. Сейчас его зовут Толба.

Лагаек же, сделав такое плохое дело, вошел в чум Щедрого Сердца как ни в чем не бывало. Щедрое Сердце схватила большую пинбэ¹ и стала бить ею Лагаека.

Лагаек рухнул лицом ниц.

Это увидел Крест-Камень, находившийся на другом берегу реки. Он крикнул Остроконечному Камню:

— Люди дерутся!

Тот тут же передал новость соседу, Каменному Носу. Он ему весело сказал:

¹ Н и н б э — доска для кройки и шитья.

— Люди! Дерутся!!

Каменный Нос понюхал воздух немножко и сказал Камню Горного Барана:

— А люди-то дерутся...

Тот встрепнулся, внимательно прислушался и медленно, с расстановкой, сообщил о случившемся Лэдэмэчил Камню:

— Люди-то... оказывается... дерутся...

Лэдэмэчил Камень тут же повернулся к Огоек-Поднявшемуся Камню и крикнул:

— Люди дерутся!

Поднявшийся Камень недоверчиво посмотрел на Лэдэмэчил Камень и шепнул Камню Ветров:

— Лю-ю-ди... де-ру-ут-ся...

Камень Ветров быстро-быстро повертел головой и свистнул своему соседу, Обрыв-Камню:

— Лю-ди-и! Деру-ут-ся-я!!

Тот посмотрел на невозмутимо сидящего Мужчину-Камня и сказал небрежно, как о весьма привычном деле:

— Люди дерутся.

Мужчина-Камень просидел некоторое время, словно не расслышав слова Обрыв-Камня, затем, не поворачивая голову к Краю Хребта, таинственно шепнул:

— Люди дерутся...

Тут наступила тревожная тишина.

Наконец Мужчина-Камень покачался из стороны в сторону, как бы собираясь подняться, но тут же остановился от крика Края Хребта. Тот кричал:

— Друг! Не ходи!

«Ладно,— подумал Мужчина-Камень,— и вправду разве меня послушают люди?!..»

Тут Обрыв-Камень пошевелился, собираясь идти к дерущимся. Мужчина-Камень опять шепнул ему:

— Не ходи, друг...

В это время встрепнулся Камень Ветров, но тут же остановился от голоса Обрыв-Камня. Тот говорил:

— В этом случае обычно не вмешиваются...

Поднявшийся Камень заметил, что Камень Ветров, встрепенувшись, успокоился, хотел было идти к дерущимся, но тут до него донесся свист Камня Ветров:

— Дру-уг!.. Не хо-ди-и-и!

Лэдэмэчил Камень понял, что никто из соседей не собирается утихомирить людей и поднялся, чтоб идти к дерущимся, но тут до него донесся шепот Поднявшегося Камня:

— Дру-у-уг... лучше бы не хо-ди-и-ил...

Чуткий Камень Горного Барана, услышав это, подвинулся, но тут же остановился, как вкопанный, от крика Лэдэмэчил Камня:

— Друг! Не ходи!

Тут наступил черед шевельнуться Каменному Носу, но, опережая его желание, Камень Горного Барана, сказал:

— Не ходи-ка лучше.

— Ну тогда я пойду! — вызывающе крикнул Острокопечный Камень, но тут же вынужден был остановиться от ехидного голоса Каменного Носа. Он говорил:

— Ты бы хоть не ходил.

Тогда Острокопечный Камень посмотрел на Крест-Камень. Тот даже не пошевелинулся.

Наступила опять тишина.

И тут все увидели, как поднялся Лагаек и медленно пошел к себе домой. А потом..., а потом все они — Щедрое Сердце, Куогэлгизэ, Лагаек — застыли на месте и превратились в камни.

Так и стоят они, как предупреждение, как напоминание.

МАКУШКА ТРАВЯНОГО СТЕБЛЯ

Жил старик со своей старухой. Старик был калекой — мог передвигаться лишь ползком или на четвереньках.

Был у них сын, один-единственный — их защитник и кормилец.

Старик не всегда был такой. В молодости он был добрым молодцем. Реки перепрыгивал словно маленькие речушки — в челноке не нуждался. Дикого оленя убивал с одного выстрела. Если же ему не хотелось тащиться с тушей, дикого зверя пригонял домой, направляя сзади палкой. И там, возле дома, хватал его за задние ноги и, перевернув словно годовалого олененка, приканчивал. А это было страшным грехом, оказывается, нельзя было убивать дитя природы, догнав сзади и схватив руками. Об этом он узнал слишком поздно, когда у него стали болеть ноги. Поэтому он сейчас старался предостеречь сына от такой охоты. Он сыну говорил:

— Каким бы удалым ты ни был, никого не убивай и не добывай при помощи своих быстрых ног и сильных рук. Это страшный грех! Будешь мучиться как я!..

Сын тоже рос удалым молодцем. Он так же дикого оленя убивал с одного выстрела. Реки перепрыгивал словно маленькие речушки. Но особенно он был силен в беге. Бегал так легко и быстро, что верхушки трав под его ногами не успевали ложиться, пока он убирал ногу — верхушки трав лишь слегка наклонялись словно от порыва ветра.

За это его прозвали Улиграл Оича — Макушка Травяного Стебля.

Юноша каждый день уходил из дому рано утром и возвращался поздним вечером. Иногда он приходил с добычей, иногда же уходил просто побегать, узнавать ближние земли. В такие дни он до полудня старался добежать до какой-либо приметной сопки или едомы, чтобы в следующий раз за это же время пробежать еще дальше.

Как-то однажды Макушка Травяного Стебля так далеко пробежал, что еще до полудня добрался до совершенно незнакомых мест. Здесь все было необыкновенно — и высокие зеленые сопки, и едомы с белыми утесами, и птицы с пронзительными криками.

И вдруг Макушка Травяного Стебля заметил трех лебедей вдали. Они спустились в одно небольшое озерко.

Потом вышли на берег и, сняв свои крылья, превратились в девушек.

Юноше никогда не приходилось видеть подобное, и он от удивления застыл на одном месте.

Между тем девушки подошли к одиноко растущему хорявому дереву и на его ветках повесили свои крылья. Затем опять направились к озерку и стали купаться.

«Что мне делать?» — подумал Макушка Травяного Стебля, вспомнив как убивается старая мать из-за того, что у ней нет помощницы, новой хранительницы их древнего очага. Он был уверен, что успеет добежать до крыльев до того, как девушки наденут их. И тогда!.. и тогда появилась бы новая хранительница их древнего очага, мать будущих его детей. Но если так найдет свою невесту, то получится, что употребит силу своих быстрых ног и ловких рук!.. А это, как говорил отец, страшный грех!

Пока он так думал, девушки надели свои крылья и улетели к облакам, скрылись из виду.

Дома Макушка Травяного Стебля рассказал отцу про диковинных лебедей, превращающихся в девушек. И спросил:

— Что мне надо было делать?

Отец долго сидел молча — нельзя было понять, радуется или печалится. Наконец он зашевелился, словно поймав долго пропадавшую мысль, и сказал:

— Завтра проведешь западные земли. Если встретишь что-то необычное, значит лебеди встретились к счастью; если же никого не встретишь — горе ждет тебя впереди...

Последние слова отца немного озадачили сына, однако он тут же спросил:

— А что будет, если я никуда не пойду?

— Вот это я не знаю, — открыто признался отец, но по его лицу было видно, что ему не понравились слова сына.

Ночью Макушка Травяного Стебля долго не мог заснуть, — только он внадал в забытье, как его будили слова отца: «...если никого не встретишь — горе ждет тебя впереди!..»

На другой день он направился туда, куда указал отец. Бежал он не спеша, поглядывая по сторонам, боясь проворонить что-либо необычное. Но ничего пока не встречалось, почему-то даже птицы не летали.

«Как же так?.. Неужели так и никого не встречу?!» — начал думать с нарастающей тревогой Макушка Травяного Стебля, когда вдали показался большой монхо, — конечный пункт его пути. Теперь он уже не бежал, а медленно шагал, чтоб хотя бы мысленно сделать длиннее расстояние до неумолимо приближающегося монхо.

А вокруг не было ни одной души — даже криков чаек не было слышно, даже писк мышей не раздавался. В уши влетали лишь слова: «...если никого не встретишь — горе ждет тебя впереди!..»

Между тем до монхо осталось совсем немного. Юноша уже не оглядывался по сторонам — ему стало ясно, лебеди ему встретились к горю. Ему было обидно особенно от того, что отцу и матери на старости лет не придется жить в тепле и покое, ухаживая за внучатами — ведь только эта мысль их крепко еще держала на этой земле.

От этих размышлений и от жалости к родителям у Макушки Травяного Стебля аж увлажнились глаза, и он уже шел, почти не глядя вперед. И тут-то он чуть не споткнулся обо что-то мягкое, от неожиданности он отпрыгнул в сторону и только тут увидел сильно опешившего старикашку.

— Зачем ты пугаешь человека! — вскрикнул он и, заметив смущение юноши, спокойно спросил: — Кто ты?

— Макушка Травяного Стебля.

— А-а!.. Слышал-слышал о тебе, — сказал старикашка и спросил: — Куда идешь?

— Отец меня сюда послал... — сказал юноша и рассказал о трех лебедях.

— Смотри-ка! — удивилась старикашка. — Значит, они себя показали тебе!.. Ну смотри, теперь держись!.. Но ты хорошо поступил, что не поспешил, что захотел сначала послушать совет старых людей..

Макушка Травяного Стебля выслушал старика, не проронив ни слова. Старик рассказал ему все, что следует делать при следующей встрече с лебедями.

— Смотри, сынок, будь осторожен! — сказал он на прощание. — Если они тебя заметят, значит, счастья и удачи у тебя не будет впереди!

На другой день юноша поднялся рано и очень быстро побежал в сторону озера. Сделал себе хорошее укрытие недалеко от дерева, и стал ждать.

Лебеди прилетели внезапно — Макушка Травяного Стебля их заметил лишь тогда, когда они делали круг над озером.

Сделав несколько кругов, лебеди друг за другом спустились на озеро, подплыли к берегу, поднялись на берег и, сняв крылья, превратились в белолицых красавиц.

Юноша особенно внимательно следил за той, которая последней поднялась на берег и последней сняла крылья. Это была самая младшая из сестер и именно ее крылья он должен был взять незаметно для всех.

Девушки, держа крылья, подошли к корявому дереву и повесили их на разных ветвях. Самая младшая из сестер повесила на самой нижней ветке.

Когда девушки пошли купаться, Макушка Травяного Стебля выполз из своего укрытия и осторожно начал продвигаться к дереву. Он подкрадывался бесшумно, прячась за бугры и тальники. На одном месте под ним хрустнула хворостинка. Девушки тут же услышали это — перестали купаться и настороженно стали поглядывать в сторону дерева. Макушка Травяного Стебля в это время перестал даже дышать, ему казалось, что его дыхание раздастся далеко по кругу.

Наконец, девушки опять стали купаться, и Макушка Травяного Стебля опять начал подкрадываться. Вскоре

он оказался у основания корявого дерева, осторожно снял крылья с нижней ветки и так же бесшумно отполз от дерева.

Макушка Травяного Стебля был уже далеко, когда сзади раздались вскрики девушек. Услышав это, юноша поднялся и еще некоторое время шел вперед, не оборачиваясь назад. Только после этого он обернулся и пошел к девушкам.

Увидев приближающегося человека, старшие сестры надели крылья и улетели к облакам.

На берегу озера осталась одна девушка. Она плакала, глядя вослед старшим сестрам.

Макушка Травяного Стебля подошел к ней и тихо сказал:

— Не плачь, пожалуйста, ладно.

— Верни мои крылья! — сказала та строго, не оборачиваясь на юношу и продолжая всхлипывать.

— Сейчас не могу, — сказал мирно юноша. — Пойдем сначала к моим родителям. Там посмотрим, может, сразу же верну...

Девушка перестала плакать и краем глаз взглянула на Макушку Травяного Стебля. Тот стоял виновато улыбаясь, и девушка невольно улыбнулась.

Когда сын пришел домой с девушкой, отец и мать очень обрадовались. Позвали гостей и устроили большой пир.

Макушка Травяного Стебля предупредил всех, что девушка еще не является его невестой, что она просто гостя. Поэтому гости, много играли, пели, чтобы девушке не было скучно. Девушке все это очень понравилось, понравились и люди. Но особенно ей понравился юноша, укравший ее крылья. Поэтому когда он предложил ей остаться у них, она не воспротивилась и вскоре стала женой Макушки Травяного Стебля.

Прошло несколько дней. Молодая жена помогала свекрови шить одежду для мужа, бегала за дровами и водой, варила еду. Старики не могли нахвалиться своей невест-

кой, дни у них пошли один веселее другого. В отличие от них невестка с каждым днем становилась все печальнее: и печальнее. Это заметили все. И один раз, вернувшись с охоты, муж спросил у нее:

— Что с тобой, жена? Не нравится тебе у нас?

— Не-ет,— сказала та.— Мне здесь все нравится. Но я боюсь своих старших братьев. Они все равно придут сюда. И тогда... всех нас убьют.

— Что же нам делать?

— Надо их опередить. Нам надо пойти к моим родителям.

— Ну что ж, пойдём. Только стариков надо предупредить.

Старик и старуха, конечно, поплакали, но не стали задерживать молодых.

Сборы молодых были недолгими; взяли немножко мяса на дорогу да крылья лебединые...

День был яркий, солнечный, небо голубое-голубое, без единого облачка. И ветер был мягкий, он дул легонько, словно для того лишь, чтобы о себе дать знать.

Словом, стояла очень приятная для путешествия погода. И путники продвигались довольно быстро.

На одном месте они сделали привал. Поели, отдохнули.

— Отсюда я одна полечу,— сказала молодая жена.— У моих братьев много сторожей, все равно нас обоих не пропустят.

— Кого же мне ждать, тебя или другого человека?

— Другой человек придет, если даже этого не захотят мои братья. Мой отец меня сильно любит, я его уговорю...

— Ладно. Только я не буду стоять на одном месте. Я потихонечку буду идти следом за тобой.

— Когда человек придет, постарайся все делать так, как он будет делать: если побежит — беги, подпрыгнет — подпрыгни.

Сделав такие наставления, жена надела крылья и улетила прямо к облакам. Макушка Травяного Стебля же зашатал в том направлении, куда улетила его жена.

Шел довольно долго. Постепенно ветер усилился, пригнал тучи, которые вскоре закрыли солнце. Потом стало накрапывать дождь, он перешел в ливень с градом. Макушка Травяного Стебля промок насквозь, но продолжал идти.

«Ну и долго же собирается в путь!» — подумал он с раздражением о человеке, который должен был прийти ему навстречу.

Ливень с градом постепенно стих, потом перестал. Ветер погнал тучи прочь и опять выглянуло солнце. Опять стало светло и ярко вокруг.

Тут-то наконец и увидел Макушка Травяного Стебля приближающегося к нему человека. Тот шел довольно странно — то взлетал над деревьями, то опять исчезал под ними. Только потом, когда совсем близко подошел прыгун, Макушка Травяного Стебля понял: он одной ногой ступал на землю, а другой — на верхушку дерева:

— А-а! Вот ты какой, оказывается, несчастный ворюшка!..

С такими словами незнакомец остановился перед Макушкой Травяного Стебля и стал оглядывать его, словно решая, с какой стороны начать есть этот лакомый кусочек.

Макушка Травяного Стебля стоял молча, не шелохнувшись.

— Ну что ж! — сказал между тем незнакомец с видимым сожалением. — Отец велел привести тебя, поговорок ворюшку, в целости и сохранности. Поэтому пойдем, что ли?

— Ладно, пойдем, — ответил Макушка Травяного Стебля.

— Не зря, наверное, тебя зовут Макушкой Травяного Стебля! Смотри, ни одна травинка не должна упасть под твоими ногами, когда побежим!

Сказав это, незнакомец побежал своим странным способом: одной ногой ступал на верхушку дерева, другой — на верхушку травы. При этом, верхушки деревьев и трав

лишь слегка покачивались словно от легкого дуновения ветра.

Макушка Травяного Стебля бежал за незнакомцем, ступая след в след и не отставая.

Так бежали довольно долго. Макушка Травяного Стебля бежал все время, задевая рукой подол кафтана незнакомца, чтоб не отстать, и даже не заметил, как они оказались у края большого стойбища.

Они вошли в чум. Там сидел огромный старик.

— Ну, каков он? — спросил старик сына. Тот дышал с трудом и еле выговорил:

— Кажется, ничего...

— А ты-то почему так тяжело дышишь? Ведь твой напарник дышит так, словно зашел с соседнего чума! — сказал строго старик.

Сын ничего не ответил, только почесал затылок.

— Ну ладно, иди, позови своих братьев! — сказал старик и пригласил Макушку Травяного Стебля сесть у стола.

— Да-а! — сказал старик, немножко помолчав. — А ты знаешь, что делают у нас с ворами?

Макушка Травяного Стебля ничего не ответил. Только сейчас он понял, что для родителей жены он вор. А вора полагается обезглавить, чтоб такие изменные мысли не перекочевали к другим.

— Я-то думал, мой младший сын хорошо натренировал свое тело, — сказал между тем старик, как бы продолжая разговор с кем-то. — Нет, не такой он, оказывается. Даже на таком коротком пробеге сердце у него приперло к горлу!

В это время в чум вошли трое вооруженных коньями молодых людей. Среди них был и тот, кто привел сюда Макушку Травяного Стебля.

— Дети! — обратился старик к старшим сыновьям. — На таком коротком пробеге ваш брат чуть не потерял дыханье! А этот воринка дышит словно человек, зашедший с соседнего дома.

Тут наступило тягостное молчание.

— Что будем делать? — сказал наконец суровый старик.

— Отрубим голову воришке! — сказал старший из братьев.

Тут опять наступила тягостная тишина.

Старик долго сидел молча, глядя на потухший очаг. Сидел не шелохнувшись и ни разу не мигнув, так словно заснул с открытыми глазами. Братья тоже стояли не шелохнувшись, словно боясь растрезвожить сон отца.

И вдруг старик ловко вскочил на ноги, быстро подошел к задней стенке чума и вытащил из ножен большой нож. Все это старик проделал так стремительно, что Макушка Травяного Стебля даже не успел встать — как подобает делать гостю, когда поднимается хозяин дома.

Молодые же люди меж тем встали у входа, загородив выход копьями. Но, к их удивлению, старик жестом повелел им вернуться на место, а сам взял одно полено, быстро выстругал один его конец — получилось нечто выпуклое, похожее на кочку. Отрубил его одним ударом ножа и сказал:

— Отрубили голову воришке!

Сыновья только переглянулись меж собой от недоумения.

— Будем считать, что вора среди нас уже нет. Будем считать, что вашу сестру нашел этот молодой человек. Пусть живут они вместе. И чтоб все знали, что Макушка Травяного Стебля является нашим зятем, заколите оленей, позовите всех наших людей и устройте большой пир!

Пока сыновья и все домашние занимались подготовкой большого праздника, Макушка Травяного Стебля находился у старика. Тот расспрашивал о его родителях, их жизни, обычаях. Все это он делал не от простого любопытства — хотел узнать характер и ум своего зятя.

И вот наступил день праздника.

В огромном чуме старика собрались самые уважаемые

люди племени, остальные устроились в соседних чумах. Здесь же, в большом чуме, было семейство старика — жена, сыновья, дочери.

Когда стол был накрыт всяческими яствами, старик пригласил сесть по правую сторону от себя Макушку Травяного Стебля и свою младшую дочь. После этого все стали рассаживаться по своим местам у стола. Молодые же люди, которые должны были доводить главные новости дома по другим домам, расселись недалеко от входа за отдельным столом.

Наконец все сели и старик обратился к своим ближайшим помощникам со словами:

— Друзья мои! Мы сегодня собрались, чтоб поставить новый чум моей младшей дочери. А хозяином этого чума согласился быть вот этот молодой человек, Макушка Травяного Стебля. Пропу превозносить нашего зятя!

Старейшины с видимым любопытством стали разглядывать зятя, который в это время поднялся на ноги и раскланялся всем.

Нарочные в это время друг за другом выбежали из дому, чтоб передать первую новость соседним чумам.

После этого все поели-понили, а затем вышли из чума и начались танцы. Слова танца выводил сам старик и все за ним повторяли слова благодарности земле, небу, сородичам, прошедшим хорошим и будущим светлым дням, мудрым старикам и сильным молодым мужчинам, удаче и счастливой жизни.

В середине танца старик внезапно остановился и с такими словами обратился к своим людям:

— Люди мои! Я старый стал! Настала пора вместо меня выбрать нового предводителя!.. Кого бы вы хотели иметь своим предводителем?

— Уважаемый, ты сам укажи, кто достоин быть твоим преемником! — крикнули люди.

Старик постоял некоторое время в задумчивости, потом тихо сказал:

— До недавнего времени я думал, что моим преемником достоин быть мой младший сын. Теперь я думаю иначе...

— Кто же, этот достойный? — опять крикнули люди. В стойбище наступила большая тишина, все смотрели на старика. Тот немигающими глазами смотрел куда-то над головами людей и, казалось, ждал чего-то. Наконец, словно не дождавшись ответа, он опустил голову и негромко сказал:

— Я думаю, таким человеком может быть только... мой зять.

При этих словах между людьми прошел какой-то гул — невозможно было понять: то ли одобрение это, то ли недовольство.

— Ну, а теперь, — продолжал между тем старик. — Решайте сами. Я все сказал.

Опять наступила тишина. Люди знали, что старик обычно убивал пришельца, если тот ему чем-то не понравился. Поэтому решили, что зять, наверное, действительно достойный человек, раз старик хочет посадить его на свое место.

— Ну, что скажете, люди мои? — снова подал голос старик. — Или не согласны со мной, так скажите об этом прямо!

Тут опять по толпе прошел непонятный гул — невозможно было определить: одобрение это или недовольство. Поэтому старику еще раз пришлось вмешаться и он крикнул:

— Если согласны со мной, то скажите: нравится!.. Если же не согласны, скажите: не нравится!..

После этого, наконец, с той стороны, где толпились старейшины, раздались слова:

— Нравится... нравится...

Слово это подхватывало все больше и больше людей. Постепенно оно перешло в большой, четырехколейный гул:

— Мэр а-му-дъий!.. Мэр а-му-дъий!.. Мэр а-му-дъий! ¹...

Вот так Макушка Травяного Стебля стал главой целого племени, благодаря своему умению быстро бегать, женившись на дочери их вождя.

ХАБАНГА

Жил-был человек по имени Чайлару. В молодости он охотился на диких оленей, не было ему равных в этом деле. Диких оленей он не только забивал, но и приучал. Поэтому со временем у него оказалось достаточное для прокормления семьи количество оленей.

Чайлару был женат, но не имел детей. Когда понял, что не имеет им своего ребенка, он взял на воспитание сироту — сына дальнего родственника.

Сироту звали Хабанга. Он не помнил ни отца, ни матери — они умерли, когда ему было совсем мало лет.

Чайлару очень любил своего племянника Хабангу, но его жена почему-то с первых дней невзлюбила мальчика.

Чайлару каждый день уходил пасти оленей, приходил только поесть и поить. Все это время Хабанга оставался дома с тетей. Тут-то тетя и давала волю своим издевательствам: все время заставляла бегать мальчика, давая самые различные — нужные и ненужные — задания. Если же мальчик что-нибудь делал не спеша, то она безжалостно била его. Но не это было самым обидным и страшным для Хабанги. Постоянный голод, — вот что было самым мучительным и тяжелым испытанием для него. А чтоб Чайлару ничего плохого не заподозрил, жена при его возвращении рот мальчика мазала кровью. Чайлару и в самом деле, заметив измазанный оленьей кровью губы мальчика, радовался и весело говорил:

— О-о, ты поел, оказывается! Это хорошо-о!

---

¹ Мэр а му дъ и и й — нам нравится, мы любим.

— Да, поел,— говорил неправду Хабанга, боясь побоев тети и не желая огорчать дядю.

Появление на стойбище Чайлару для сироты превращалось в постоянный праздник — наконец-то он досыта наедаясь, мог отдохнуть или поиграть. Но как только уходил дядя, для бедного мальчика опять начиналось мучительное время голода, побоев, постоянной беготни.

Все же Чайлару постепенно начал замечать неладное — почему-то мальчик рос очень медленно и был очень худым. Поэтому однажды он спросил у жены, почему Хабанга плохо растет, досыта ли кормит его.

— Конечно!— поспешно ответила та.— Всегда его кормлю досыта!

— Смотри,— предупредил тогда Чайлару.— Хорошенько ухаживай за ним. Когда-то он станет единственным нашим кормильцем.

Только после этого женщина чуть поумнела и не стала держать Хабангу впроголодь.

Когда Хабанга чуть подрос, он начал пасти оленей вместе с Чайлару. Вскоре он мог уже один держать оленей и Чайлару опять стал ходить понемногу на охоту. При этом Чайлару, уходя на охоту, наказывал жене приносить еду иногда в стадо. Но та не только не приносила, но и когда Хабанга приходил домой, чтоб поесть, кормила остатками своей еды. И часто Хабанге приходилось возвращаться из дома совсем голодным. Тогда, чтоб утолить голод, он начинал есть листья, травы и даже олений помет.

Однажды он нашел гнездо пичужки. В нем были только что вылупившиеся птенцы. Голодный мальчик тут же хотел отправить их в рот, но тут мать птенцов, летая вокруг Хабанги, заговорила по-человечьи:

— Хороший человек!— сказала она.— Не трогай, пожалуйста, моих детей. Может, чем-нибудь помогу тебе за это...

— Но я очень голоден,— сказал Хабанга.— Если сейчас ничего не поем, могу умереть.

— Погоди, немпожко!..— сказала пичужка и куда-то улётела. Вскоре она прилетела обратно и в клюве принесла червячков. Хабанга стал есть этих червячков.

Так пичужка много раз летала за червячками, пока досыта не накормила Хабангу и своих птенцов.

Наевшись, Хабанга спросил у пичужки:

— А еще чем можешь мне помочь?

— Могу научить тебя быстро бегать,— ответила та.

— Ну давай, научи...

— Ну-ка, побеги за мной сколько есть силы!— крикнула пичужка и улётела.

Хабанга побежал за ней, но тут же отстал от нее.

— Ничего, ты только духом не падай! Никто сразу не становится быстрым бегуном. Давай, опять догоняй!— сказала пичужка и улётела.

Так много дней пичужка занималась с мальчиком и наконец наступил день, когда Хабанга долго бежал за пичужкой, ничуть не отставая от нее.

Тогда пичужка сказала ему:

— Ну вот, ты быстро стал бегать. Теперь сам занимайся, а мне пора лететь в теплые края.

Хабанга поблагодарил ее и та с повзрослевшими птенцами улётела в дальние края.

Хабанга подрос, стал юношей, но был очень худым, невзрачным. Никто из соседних девушек не хотел быть его женой. И тогда он сказал дяде:

— Дядя Чайлару, пока ты не постарел сильно, хочу походить, посмотреть разные земли.

— Что ж, мешать не буду,— сказал Чайлару.— Только одно хочу спросить: долго ли будешь путешествовать?

— Не знаю,— ответил Хабанга,— похожу, пока не найду себе жену. Да и хочу немножко отдохнуть, уж слишком мучился здесь от постоянных издевательств тети.

Только тут Чайлару понял, почему так медленно растет его племянник и сильно рассердился на жену. Но ругать ее не стал, а тихо спросил у Хабанги:

— Почему же об этом не рассказывал, сынок?

— Жалко было тебя, не хотел огорчать.

После этих слов племянника Чайлару долго молчал, глядя в одно место. Затем спросил:

— Что тебе надо будет на дорогу?

— Пусть тетя мне приготовит три пары обуви и еды на дорогу.

Тетя тут же быстренько сшила Хабанге три пары легкой обуви и сварила мясо на дорогу. Чайлару же ваточил свое копые для Хабанги.

И вот, простившись с дядей и тетей, Хабанга зашагал в сторону восхода солнца. Он целый день виднелся на равнине, не исчезая из виду. Тете это было очень смешно — она выскакивала из чума и прибегала назад хохоча:

— А-ха-ха-а!.. «Жених-то» наш все еще виднеется!..

Чайлару это сильно не понравилось, но он только сказал:

— Ты еще не знаешь, каким он станет. Лучше бы подумала ты о том, как будешь жить после моей смерти. Мальчик все равно не забудет и всегда будет помнить то, как он рос.

Хабанга действительно шел очень медленно — так он был слаб от постоянных недоеданий.

Так он шел несколько дней.

И вот однажды на его пути встретился один чум. Возле чума сидел старик.

— Кто ты? Откуда идешь? — спросил он.

— Я — Хабанга, с западной стороны иду.

— А чей ты сын?

— Отца я не помню. Меня дядя Чайлару воспитывал.

— А-а! Слышал-слышал о Чайлару. В молодости был славным охотником. А по какой нужде пришел к нам?

— Да я ищу себе жену, — смутившись, сказал Хабанга.

— Ну, заходи в чум. У меня две дочери, уже взрослые.

В чуме старуха приветливо встретила Хабангу, накормила, напоила. Девушки же, взглянув один раз на Хабангу, потеряли всякий интерес к нему.

— Эньэй¹, — обратился наконец старик к своей старшей дочери. — У меня с тобой разговор будет.

— Что, отец? — сказала та, подойдя к отцу.

— Как ты думаешь, не уговорить ли остаться этому человеку у нас!

— Фу! Разве я сижу, чтоб за такого человека выйти?! — сказала девушка и от негодования даже стала плевать.

Во время этого разговора, младшей дочери не было в чуме — она выходила за какой-то надобностью. Когда она вошла, отец сказал ей:

— Лайбуо!² Слово хочу тебе сказать.

— Скажи отец, — ответила та.

— Не взять ли этого человека в мужья тебе?

— Фу! Что ты говоришь, разве он годится мне в мужья?! — крикнула девушка и от негодования стала аж брыкаться.

Хабанга все это время сидел молча, низко опустив голову, чтоб не показать свое смущение, свое страдание. Затем резко вскочил на ноги и выбежал из чума. Вслед за ним выскочил старик и печально сказал:

— Не держи на меня зла, в этом деле трудно что-либо посоветовать. Скажу лишь одно: держи путь приблизительно к восходу солнца, там живет мой старший брат.

Хабанга поблагодарил старика за угощение и зашагал на восток. Опять долго, не исчезая из виду, маячил на равнине — до самого захода солнца девушки выбегали из дома и обратно вбегали, хохоча и плюясь:

— Фу-у! Во-он еще виднеется наш непрощеный жених, ха-ха-ха!

---

¹ Эньэй — ласкательное обращение к девочке.

² Лайбуо — ласкательное обращение к самому младшему ребенку в семье.

Хабанга опять шел несколько дней. Две пары его обуви уже износились и он надел уже последнюю пару.

И вот наконец, опять на его пути оказался одинокий чум. Возле чума сидел седой старик.

— Кто ты есть и откуда?— спросил он юношу.

— Меня зовут Хабанга, я с западной стороны.

— А кто твой отец?

— Отца не помню, давно умер. А рос я у своего дяди, у Чайлару.

— А-а! В молодости с ним встречался, хороший был человек. А зачем ты сюда пришел?

— Жену себе ищу...

— А-а, это хорошо-о!.. Давай, зайдём в чум, расскажешь новости, отдохнешь...

Старик жил намного богаче своего младшего брата — гостю постелили белую шкуру оленя, накормили жирным мясом, вкусным бульоном и чаем.

У старика были две взрослые дочери и малолетний сын. Все они очень понравились Хабанге. Какие-то очень спокойные, добродушные были эти люди.

Послушав рассказ гостя, старик рассказал о своем житье-бытье. Жаловался на то, что сын еще слишком малолетний, что поэтому ему очень трудно одному управлять стадом оленей. И вдруг он спросил у Хабанги:

— Хороший человек, не приглянулись тебе мои дочери, а? Может, останешься у нас?

Хабанга сильно смутился от такого предложения и ничего не мог ответить. Тогда старик позвал свою старшую дочь и спросил у ней:

— Эньэй, понравится ли нам этот молодой человек?

— Сомневаюсь,— ответила та, не глядя на отца.— Взгляд у него какой-то уж очень вялый, слабый.

— Ну, ладно,— сказал медленно старик и обратился теперь к младшей дочери:— Лайбуо! Не взять ли нам себе заботу об этом молодом человеке?

— Ну разве только до тех пор, пока он не бросит нас,— сказала та и потупилась от смущения.

— Ну так что,— сказал старик, обращаясь к Хабанге.— Дошли до твоего сердца слова моей лайбуо?

— Конечно!— обрадованно вскрикнул Хабанга.— Мне больше никуда не хочется идти!..

После женитьбы на младшей дочери старика, Хабанга стал хозяином его стада. Теперь они со стариком стали пасти оленей по очереди, поэтому в доме стало появляться мясо добытых диких оленей и птиц.

Вскоре Хабанга с женой перекочевали в свой собственный чум. Жена ему сшила новую одежду из осенних шкур оленя, одела во все новое. От хорошего ухода и заботы жены, Хабанга вскоре неузнаваемо преобразился — стал красивым и сильным мужчиной.

В те времена устраивали большие игрища. В них определялся Самый Знаменитый Человек племени: мужчины состязались в борьбе, беге, стрельбе из лука, поднимании камней. Самый Знаменитый Человек племени со временем становился Самым Почитаемым Человеком во всем округе.

Хабанга сначала был наблюдателем в этих игрищах. Однако долго не смог сдерживать себя — и стал участвовать во всех состязаниях. И в первых же игрищах, в которых он участвовал, Хабанга не нашел себе равных в беге и стрельбе из лука. Вскоре он стал побеждать и в борьбе, а затем — и в поднимании камней.

Так он сначала стал Самым Знаменитым Человеком племени, а год спустя — Самым Почитаемым Человеком в округе.

После этого он всем семейством поехал к своему дяде Чайлару, перевез на родину своей жены.

Говорят, он жил долгую и счастливую жизнь со своей преданной женой и многими детьми.

ЭВЕНКИЙСКИЙ ФОЛЬКЛОР

МАТА КОКОЛДОКОН (БОГАТЫРЬ РУКАВИЧКА)

Давным-давно, когда только что образовались три Сибир-земли, подобно чутко прислушивающимся ушам годовалого дикого оленя, когда Средняя земля, родина эвенков, называемая ими Дулин Буга расстилалась величиною с эвенкийский меховой коврик кумалан, когда только что на ее поверхности намечались русла девяти рек, вот когда это было. В самом начале сотворения мира это случилось.

Жил на Средней земле — Дулин Буга эвенкийский богатырь Иркисмондя-сонинг, жену его звали Куккумачан-красавица.

Много лет они прожили, но не было у них детей. Все печальнее становилась день ото дня Куккумачан-красавица, думая: «Кто же продолжит наш род, если нет у нас детей?» И решили муж с женой обратиться с просьбой к богине Айихит-эни дать им сына, живущей на самом Верхнем небе. Это она послала на землю души еще не родившихся младенцев, и у людей рождались дети.

Поднялись они на самую высокую вершину горного хребта, упирающегося в небо. Повернувшись в сторону восхода солнца, воспев величальные слова богине Айихит-эни, супруги послали с ветром ей свои слова — просьбу. Засвистев, ветер Эдупча унес их к богине. Долго стояли они на этой вершине, ожидая ответа. Вдруг высоко в небе прямо над ними появилась парящая птица в

золотом оперении. Сверкая в солнечных лучах, она зашептала: «Слушайте и не печальтесь богатырь Иркисмондя и Куккумачан-красавица! Узнав о вашей просьбе, я уже отправила на землю душу вашего будущего ребенка. Ваш сын будет великим богатырем, поэтому не удивляйтесь и не огорчайтесь, если он будет мал ростом. Возьмите от меня эту рукавичку, она будет ему вместо пеленок. Как только он родится, положите его в эту рукавичку». Улетая, она обронила на землю меховую рукавицу. Обрадованные Иркисмондя и Куккумачан-красавица вернулись домой. Через некоторое время родился у них сын, родители быстро положили его в рукавицу-пеленку и назвали Коколдокон, что значит — рукавичка.

Счастливо и безмятежно жили они на своей прекрасной земле, имея тучные стада оленей. Но вот стали наезжать на их любимую землю злые и коварные чудовища-авахи. Пришел на их землю страшный атаман авахов Сэлэргун Сэвэендя, пришел с намерением разрушить очаг, развеять пепел, истребить корень эвенков. Старый Иркисмондя богатырь уже не мог вступить в бой с пришедшим врагом. Насмехаясь и зубоскаля, Сэлэргун Сэвэендя решил потешиться над престарелым богатырем. Но не знал он, что маленький Коколдокон уже вырос, и, несмотря на свой маленький рост, был настоящим богатырем.

Храбро вышел богатырь-невеличка навстречу врагу. Увидев его, рассмеялся атаман авахов: «Ну и дела! Неужели на этой земле все богатыри подобны муравьям, как этот малыш Коколдокон!» Да, если посмотреть на нашего молодого богатыря, то от его внешности можно было прийти в уныние: навстречу огромному и страшному Сэлэргун Сэвэенде шел маленький человек, величиной с рукавичку. Но внимательный заметил бы и другое в нем: был он весь как добротная сшитая из крепкой замши меховая рукавица. Голова его как будто была даже великовата по сравнению с туловищем, но умный взгляд черных, с лукавинкой глаз, выдавал в нем человека настоя-

чивого и упорного. Короткие ножки твердо и звучно ступали по земле, а маленькие кулачки были туги и упруги, как мяч. Подходя к атаману авахов, он повел смелую и дерзкую речь: «Если ты спросишь меня, кто я такой, откуда родом-племенем богатырь, то скажу я тебе, что я Коколдокон, сын Иркисмонди и Куккумачан-красавицы. Имею я три имени: на Нижней земле именуюсь я — быстро чувствующим приближение коварного Сэлэргуна, Сэвэктон богатырем, на Верхней земле называют меня богатырем, ездящим на богатырской птице Мэнгнониконном, а на Средней Дулин Буга зовут меня Коколдокон. Вы же, богатыри Нижнего мира, хотя и велики ростом бываете, но мысли ваши коротки да мозг жидковат! Ну-ка тетушка моя Секак-красавица, быстро отыщи стодесятипудовый мяч моего дедушки, поиграю-ка я этим мячом, запущу его в самую голову этого хвастливого атамана авахов!» Подбежал он к мячу, который был во много раз по величине больше самого Коколдокона, одним взмахом вырвал его из земли и кинул на край поля.

Увидев это, Сэлэргун Сэвэендя струсил немного в душе, но продолжал насмехаться над маленьким ростом нашего богатыря: «Этот паренек хоть и ростом с птичку-невеличку, но до чего же он самоуверен! Да его и из-за мяча и не видно вовсе! Такой малыш хочет еще и сразиться со мной, раздую я играючи пепел вашего очага, развею по ветру прах малыша Коколдокона!»

Не вступая в перебранку с врагом, Коколдокон поднял мяч, и, сказав: «Лови, если так силен!» — швырнул стодесятипудовый железный мяч Сэлэргуну Сэвэенде. Мяч полетел, грохоча как гром. Не успел Сэлэргун Сэвэендя и опомниться, как ударом мяча был свален на землю. Железные зубы его, похожие на заржавевшее кайло, раскрошились от удара, нижние зубы он проглотил, а верхние успел выплюнуть.

Рассмеялся наш богатырь, но был он порядочным человеком, и не любил злорадствовать над старшими, даже если это был враг.

Сэлэргун Сэвэендя поднялся с земли, с великой злостью швырнул мяч в Коколдокона, но наш богатырь играючи подхватил его и метнул во врага. Мяч полетел, свистя и громяхая. Сын авахов подхватил его, но мяч выкатился из его руки и, попав в печень, разорвал черную печень авахи напополам. Сын авахов Сэлэргун Сэвэендя с шумом отрыгнул свою печень, прокусив ее при этом, часть печени он проглотил, а часть выплюнул. После этого он заговорил так: «Ох больно мне, ох тошно мне! Горькое, досада великая! Это хитрый Коколдокон обманул меня, сделавшись ростом с рукавичку.

Как хитры и умны эти богатыри со Средней Дулии Буга! Ну теперь-то уж давай биться на кулаках!»

Возмутился наш Коколдокон, и сказав: «Ах, он еще и упорствует, этот кичливый уродище-авахи!» — быстро оделся в свою медную богатырскую одежду и бросился биться с Сэлэргуном Сэвэендя врукопашную. Как вихрь стремительно он налетел на врага, обрушив на него свои маленькие, но крепкие кулачки. Сын авахов хотя и был силен, но он размахивал впустую своими огромными, как железные молоты, кулачищами, не попадая в маленького богатыря. Наш Коколдокон хоть и был невелик росточком, но был ловок. Когда авахи думал, что Коколдокон наверху, — он оказывался уж внизу, когда авахи собирался поразить его своим кулачищем, думая, что он вверху, наш богатырь уже бил его снизу. Когда Сэлэргун Сэвэендя бил вправо, Коколдокон уже наносил ему удар слева. Долго они так бились, наш богатырь совершенно вымотал врага и, не дав опомниться, с силой бросил атамана авахов на мерзлую землю так, что тот влип в землю на семь саженьей. Выдернул Коколдокон из-за голенища свой острый ножичек длиной в четыре пальца и занес его над авахи. Тут Сэлэргун Сэвэендя стал произносить свои предсмертные слова: «О, маленький, величиной с рукавичку богатырь Коколдокон! Не зря прославилось твое имя во всех Сибир-землях, ты победил даже такого богатыря как я! За свою жизнь я убил девяносто девять богатырей,

сотым оказался ты. Будучи сильнее меня, обесчестил ты мое имя, развеял мой пепел, разрыл мой очаг! Ты такой мата-богатырь, которому никто не сможет противостоять. Навсегда прости, прощай!»

Не слушая его, Коколдокон трижды обвил вокруг своей руки проволочные волосы сына авахов и оторвал ему голову. Забросил он ее далеко-далеко, за дальний голец, разбросал его кости по ветру и пошел к своему дому-утэну. Старый Иркисмондя, его жена Куккумачан-красавица и тетушка Коколдокона Секак-красавица радовались победе и закатили пир горой.

Утром через трое суток наш богатырь мата Коколдокон сел напротив отца и матери и завел такую речь: «Дорогие мои отец и мать, родившие и воспитавшие меня, давшие мне звучное имя во всех трех известных эвенкам Сибир-землях,— слушайте меня внимательно, мои слова введите в свои чуткие уши, глубоко своим сердцем поймите! Уж больше я не возмужаю, окрепли мои суставы, жилы мои налились богатырской мощью, пришла пора отправиться мне на богатырские подвиги. Недаром мое полное и звучное имя связано с тремя Сибир-землями, я должен постранствовать по ним, людей повидать, себя показать. Если вы спросите, что тянет меня в далекие походы, то скажу я вам, что все живое, движущееся по земле дружно живет парами. И мне надо найти себе подругу, суженую мне, которая могла бы стать с одного года шивеей, с двух лет — домохозяйкой, с трех — любимой подругой — женой. Не подскажете ли вы мне где ее искать?»

Выслушав его, любимая тетушка Секак-красавица, имеющая в ушах своих необыкновенные сережки-секар, отвечает ему:

«Дорогой Коколдокон, называемый племянником племянник мой, знаю я одну девушку. Только живет она очень далеко. На Верхней земле живет сын Неба, богатырь Дюгирмандя. Он очень сильный богатырь, никогда никто не мог осилить его. Когда тебя еще держали в ру-

кавице-пеленке, то у этого богатыря Дюгирманди родилась дочка. Девочка эта была неопиcуемой красоты. Оберегая свою дочь от постороннего глаза, мать обратив ее в иголку, прятала в своей игольнице. Ведь вездесущие авахи Нижнего мира могли прознать о ее красоте и прийти к ним с войной. Эти уродливые твари всегда пленятся человеческой красотой. А какие родители захотят выдать свое дитя за жителя Нижнего мира. Только молодая девушка, которую зовут Ишмэкэн-Иголочка, будет тебе достойной парой. Отец ее, богатырь Дюгирмандя, человек суровый, но справедливый. Постарайся понравиться ему. Если тебе по душе пришелся мой совет, то отправляйся в ту страну».

Обрадовался Коколдокон совету своей тетушки. От мысли, что постранствует он по всем трем Сибир-землям, стало щеотно его костям от нетерпения. Разве станет он после этого медлить? Трижды перевернулся в воздухе, и обернувшись маленькой белой птичкой, взмыл в воздух.

Покружил он в последний раз над родным домом, слушая прощальные напутственные слова своей любимой тетушки: «Дорогой мой племянник Коколдокон, имеющий три звучных имени во всех трех известных эвенкам мирах, та земля находится от нас очень и очень далеко. Имеющие крылья птицы долетают до нее только трижды снесши яйца и выведя птенцов, а четвероногий зверь добирается до нее только тогда, когда девять раз оставит свое потомство. Добирайся до той земли обернувшись то зверем, то птицей. Если вдруг тебе придется вступить в поединок с Дюгирмандей богатырем, если вы начнете биться друг с другом, то знай, что от трех Сибир-земель наверняка ничего не останется, помни это и постарайся понравиться этому богатырю. Помни о всех тех, кто живет на трех Сибир-землях и не погуби их души!

Прощай, пусть крикливый не перекричит тебя, широкогрудый не одолеет тебя. Если станет тебе худо, то отправь по ветру свои волшебные слова и мы услышим тебя!»

Коколдокон, превратившись в белую птичку, полетел между восьмью тучами, поднимаясь до высоты девятой тучи. Он перелетел многие страны, долго ли, коротко ли летел — сам не замечал. Он летел, узнавал лето по дождю, осень — по граду, зиму — по ветру и снегу, весну — по пушистым снежным хлопьям. Так он двигался и двигался вперед. Не знал он: трое ли, тридцать ли суток летел, или три месяца. Взглянет он вниз — только море далеко внизу плещется, взглянет вверх — видны лишь звездочки на небе.

Наконец, он стал достигать самой вершины Верхнего неба — Угу Буга. Удивительная картина предстала перед ним: вечнозеленые обильные травы покрывали эту землю, солнце светило так ярко, что отражалось в каждой капельке утренней росы. В самом центре этой страны расстилалась большая долина. А по ней, словно затерявшаяся тучка на ясном небосклоне, взад и вперед двигалось туманное облако.

— Странно, почему туманное облако так быстро перемещается из одного конца долины в другой? — подумал наш богатырь-невеличка и стал пристально вглядываться, подлетая все ближе и ближе. Тут он заметил в облаке быстродвижущегося тумана богатыря. Оказывается, от быстрого бега этого богатыря вокруг него образовывался туман, клубы которого скрывали его от человеческого глаза.

Опустившись на землю, Коколдокон перевернулся три раза, превратился в человека и зашагал навстречу этому богатырю. Человек, бегавший в белом облаке тумана, пронзил его взглядом, как яркие солнечные лучи, бывает, бьют в глаза после темноты.

Он спросил: «Откуда ты родом-племенем богатырь будешь? В мою страну никогда не приходил слабый и хилый человек. Наверняка ты сильный и отважный богатырь-мата, но, видимо, притворяешься, приняв облик маленького человека, величиной с рукавичку? Я богатырь Дюгирмандя, сын неба, состоящего из тумана и марева.

Хотя я благополучно живу на своей родине, но все-таки плохо мне от того, что нет у меня хорошего друга. Давай, померяемся силами, поиграем в богатырские игры. Попрыгай-ка на одной ноге по моим разметкам для прыжков, попробуй закинуть ввысь мой стодесятиудовый мяч. Вот так мы с тобой и узнаем, кто на что способен».

Наш Коколдокон вытащил увязнувший наполовину в земле мяч, вскрикнув «Хук!» — положил его на колени, еще раз сказав «Хук!» — поднял его до печени и забросил высоко вверх. Мяч, упав обратно, вонзился в землю на три сажени. Подошел затем он к разметкам, их оказалось ровно тридцать три, каждая длиной в три сажени. Наш богатырь стал прыгать по ним на своей ножке-коротконожке и без особого труда достиг последней разметки. Дюгирмандя остался доволен и повел его к большому чуму. Открыв дверь и подводя за руку к своей жене Коколдокона, словно маленького ребенка, он обратился к ней: «Шелковистоволосая подруга моя, именуемая Солкондор, вот прибыл к нам богатырь Средней Земли Коколдокон. Не смотри, что он ростом мал, он такой богатырь, который может исколесить все три Сибир-земли. Много мы слышали о славе его отца богатыря Иркимондя, и его сын не только не уступает в силе отцу, но даже превосходит его. Вот кто поможет нам спасти сироту Арбагайкан-старуху с двумя ее сыновьями. На них напал трехгранный богатырь по имени Сумуендя, авахи Нижней земли. Говорят, он держит их взаперти, чтобы съесть их, когда он прикончит их последних оленей. Вот мы с Коколдоконом и отправимся в поход на этого Сумуендю».

Солкондор-красавица забила двух лучших оленей, быстро приготовила еду и накормила богатырей.

Затем два новых друга, сильный богатырь Дюгирмандя и Коколдокон вышли. Дюгирмандя обернулся белым серебряным соколом, а наш богатырь превратился в белую птичку, и полетели они в ту сторону, где жила выросшая сиротой Арбагайкан-старуха с двумя сыновьями. Быстро достигли они тех мест. Долетев, превратились в кору

двух молодых лиственниц и незаметно наблюдали за Сумуендией.

Оказывается, этот Сумуендя страшно издевался над старухой и ее сыновьями. Младший сын Арбагайкан-старухи почувствовал, что пришел Дюгирмандя, побежал он к своему старшему брату и говорит: «Братец, кажется, прибыл к нам богатырь Дюгирмандя, чтоб спасти нас, чувствую я запах марева и тумана». Схватили они копья, осмелев, и вонзили их с обеих сторон в Сумуендю-авахи. А всеильный авахи Сумуендя одним взмахом руки переломил копья и стал гоняться за братьями. Младший брат спасся, превратившись в муху, а старший не умел превращаться ни в кого и был задавлен.

Увидев это, Дюгирмандя перевернулся несколько раз, обернулся богатырем, спрыгнул он с дерева и видит: тот бросил на землю человека-аи и грызет его. Дюгирмандя так разгневался, что из обоих висков вылетели искры огненные, из двадцати его пальцев брызнула кровь. И заговорил он грозно: «Атаман авахов Нижней земли, сначала для приличия прими мой привет. Если ты желаешь знать кто я, то я Дюгирмандя, сын солнца. За что же это ты так притесняешь и обижаешь парней-сирот? Какой прок от того, что ты мучаешь их столько лет, а теперь вот еще смеешь есть человека-аи, человека-эвенка. Вот пришел, я, попробуй-ка съесть меня. Я специально пришел сюда, чтоб взыскать с тебя за все злодеяния, совершенные тобой».

А этот ненасытный Сумуендя продолжал грызть тело своей жертвы, не обращая внимания на слова богатыря. Рассердился Дюгирмандя, стукнул его в самое основание уха (в висок) и только тогда Сумуендя, открыв свой огромный ртище, подобный бездонной яме, забасил: «Киримонде, Киримонде! Я, трехгранный Сумуендя, поедаю людей, у них очень вкусное и нежное мясо. Как хорошо, что ты сам напрашиваешься в мою пасть. Вот сейчас я пальцем выдерну твою спинную аорту, съем твои сердце и печень, пока они еще тепленькие!»

Схватились они биться врукопашную. Удары их кулаков громко отдавались в небе, удары пяток гремели по земле. Бились они, в твердой земле увязая по колена, в мягкой земле увязая по бедра, сдирая кору с растущих деревьев, разбивая в щепки сухие деревья. Разогнали всех птиц и зверей: белки стайками побежали через речки и хребты; зайцы бросились вприпрыжку, подняв уши; медведи побежали, переваливаясь на своих коротких лапах; жирные лоси бросились галопом, широко расставляя задние ноги. Столкнулись два очень сильных противника, никто из них не уступал друг другу. Бились они не один день, не один месяц. Растоптали травы и деревья, сокрушили холмы и горы, земля дрожала и тряслась. От этого реки потекли в обратном направлении — все смешалось и нарушилось на этой земле. С тех пор как они начали биться, минула девяностая ночь третьего месяца. Никто из них не ослабевал и конца этой битве не было видно. Шум боя был слышен во всех трех Сибир-землях. Авахи, живущие в Нижнем мире, стали поглядывать вверх, а богатыри Верхней земли стали с изумлением поглядывать вниз. «Пора их унять,— подумали во всех трех мирах,— не то они разрушат все три мира». Подходила к концу последняя ночь шестого месяца, а противники бились все яростнее. Нанесли они земле, на которой бились, страшные разрушения: деревья совершенно перестали расти на ней, не появлялась зеленая трава, перестал размножаться скот, не стали рождаться дети, которые должны были родиться. Узнав об этом, глава Верхней земли решил остановить сражающихся богатырей. Подошел он к ним и стал их уговаривать: «Я, глава Верхней земли, пришел лично к вам поговорить. Вы сражаетесь в течение многих дней и ночей, вы произвели в этих местах неисчислимые разрушения, дух-хозяин этой земли страшно разгневан на вас за это, перестаньте биться».

Но бьющиеся богатыри не обратили никакого внимания на его слова и продолжали сражаться. После этого прилетела на своих серебряных крыльях царица Верхней

земли, она тоже попыталась остановить богатырей, но они пропустили мимо ушей ее слова. Бились пуще прежнего. Они совершенно рассвирепели, и если бы не были заняты друг другом, то досталось бы и уговаривающим их. Видя, что богатыри разошлись не на шутку, люди всех трех миров решили послать за старшею дочерью солнца.

А богатыри продолжали биться, не внимая ничьим словам. Наконец, пришла старшая дочь солнца, седовласая старушка невысокого роста. Подойдя близко, она села на бочку и завела такую речь: «Богатырь Нижней земли силач Сумуендя и сын неба богатырь Дюгирмандя, из пяти моих слов, уловите хотя бы одно, из десяти сказанных мною слов, обдумайте хотя бы пять. Мои слова пропустите через свои чуткие уши, глубоко сердцем поймите! Пожалейте все живое на этой земле, малых детей и стариков, многочисленный скот всех трех Сибир-земель! Стремительность вашей битвы принесла много горя, и вина ваша будет тяжкой, поэтому прекратите битву». Однако сражающиеся богатыри словно оглохли и ничего не понимали, никакие уговоры не действовали на них.

Пришлось дочери солнца, Симэксин-старушке, чтобы спасти обитателей всех трех миров, обратиться к дух-хозяину земли с просьбой остановить богатырей, да наказать их. После ее слов Средняя земля — Дулин Буга прогремела, словно гром, словно от удара молнии задрожала и разверзлась посередине. Сражающиеся богатыри провалились в трещину, и их засыпало землей. Это дух-хозяин матушки-земли забрал их к себе. Так как вина Дюгирманди была меньшей, ведь он защищал оскорбленных и обиженных, поэтому дух-хозяин земли превратил его в серебряный стол, за которым могло кормиться все пострадавшее из-за него живое. И велено ему было стоять столом три года. Сумуендю же дух-хозяин земли превратил в обгорелый пень, и суждено ему было гнить и дряхлеть под дождем и ветрами в течение целых девяти лет.

Коколдокон же, потеряв друга Дюгирмандю, удивляясь исчезновению его и его противника Сумуенди, полетел

на родину Дюгирманди. Приближаясь к ней, наш богатырь услышал чей-то голос и спрятался, чтоб лучше разобраться в чем дело. Оказывается, в отсутствии Дюгирманди на его землю напал злой авахи Сэвэендя.

Спасаясь от врага, Солкондор-красавица с игольницей в руках, где была спрятана Инмэкэн-иголочка, успела влезть на священную лиственницу, имеющую три вершины. Здесь, оберегаемая духом священного дерева, много дней сидела она в развилке трех вершин, страдая от голода и холода. Это ее зов о помощи услышал Коколдокон.

«Наконец-то я померяюсь силами с отродьем из Нижней земли, разомну-ка я свои косточки и суставы», — промолвил наш богатырь и обратился к врагу со словами: «Эй ты, отъявленный нахал и разбойник Сэвэендя, ты видимо только и умеешь, что нападать на беззащитных женщин, за какие грехи ты загнал ее на дерево и стережешь уже много дней?! Померяйся-ка силой лучше со мной!» А этот Сэвэендя, увидев нашего богатыря, захохотал и стал насмехаться над ним: «Надо же, сам такой маленький, а слова-то уж больно смелые! Где уж тебе сразиться со мной, ты ведь не больше чем рукавичка!» Рассердился Коколдокон, метнул в него стодесятипудовый мяч Дюгирманди, но устоял авахи, поймал ртом железный мяч. Схватил тогда Коколдокон свой восьмисаженный лук, заклиная, натянул тетиву до самого уха, взревел его указательный палец, взвизгнул мизинец и прогремел лук, просвистела стрела. Пронзила стрела хвастливого Сэвэендю, но не зря все авахи — жители Нижней земли, никогда они не умирают сразу. Стали биться богатыри врукопашную. Силен был Сэвэендя, но наш Коколдокон был ловчее. Трижды стукнул он врага в самое основание уха, а когда Сэвэендя свалился на землю, прижал его Коколдокон к земле и перерезал ненасытное горло врага своим острым ножом.

После этого Солкондор-красавица открыла дверь чума, ввела богатыря домой, накормила его, уложила отдыхать. Но не успел Коколдокон и немного отдохнуть, как

сгустились черные тучи, появились красные тучи, подул ветер, полил ливень, затем повалил густой снег, закружился вихрь, загредел гром и засверкала молния. Оказывается, это надвигались еще два авахи из Нижнего мира, это летели — имеющая тридцатисаженные проволочные волосы властительница Нижнего мира, мать авахов и ее брат Буруннюк. Пришли они с намерением взять в жены для Буруннюка дочь Дюгирманди и Солкондор-красавицы — Инмэкэн. Узнав о их намерении, рассвирепел наш Коколдокон, горячая кровь побежала по его жилам, с обоих висков вылетели искры от негодования и возмущения. Приблизился он к предводительнице Нижнего мира и начал биться с ней. Она хватала его когтями — он увертывался, и тогда она вонзала свои когти в землю. Когда она пыталась схватить Коколдокона зубами, он тоже увертывался, и она вгрызалась в валуны. Он бы мог сразу расправиться с ней, но он хотел ее наказать как следует. Схватив в руки гибкий тальник, он так хлестал ее, что отделялись мышцы с ее спины. Бил ее ивовой веткой так, чтобы оголились ее железные позвонки и начали звенеть, стучаясь друг о друга. Стала звать мать чудовищ, властительница Нижнего мира на помощь своего брата Буруннюка, но Коколдокон быстро перерезал ей горло. Прибежавший на помощь Буруннюк выстрелил в Коколдокона из лука, но наш богатырь ловко поймал стрелу рукой. Затем он сказал Буруннюку: «Я не буду биться с тобой на этой земле, мы можем нанести здесь много вреда. Поэтому, если ты хочешь померяться силой со мной, то ступай за мной. Мы полетим с тобой к Симэксин-старушке. Она разводит пылающий огонь, на который никто не может смотреть. Над костром висит вертящееся колесо, на том колесе есть колечко, за которое можно ухватиться. Кто из нас сможет девять раз перевернуться на колесе, держась за кольцо — тот и победит». После этих слов Коколдокон обернулся белой птичкой и полетел в страну Симэксин-старушки. А Буруннюк, став трехглавым орлом, бросился догонять его.

Вскоре они долетели до мест, где жила Симэксин-старушка. Когда они стали приближаться к ее дому, то с той стороны дохнуло на них жаром и пламенем. Огромный костер пылал перед домом Симэксин, жар его пламени перехватывал дыхание, огненные искры брызгами летели в стороны, языки пламени достигали до самого колеса, которое медленно вращалось. Колесо было прикреплено к самому небу на толстой сверкающей в бликах костра серебряной цепи. А к самому колесу было прикреплено золотое кольцо, за которое удобно было ухватить рукой, ширина кольца была размером с ладонь богатыря.

К Симэксин-старушке приходили испытать друг друга на вертящемся колесе только те богатыри, кто не мог одолеть друг друга в другой борьбе. Старушка запустила колесо. Коколдокон первый подпрыгнул, ухватился за кольцо одной рукой и стал вращаться на колесе. Колесо крутилось так быстро, что Коколдокона невозможно было разглядеть. Когда колесо сделало девять оборотов, Коколдокон целый и невредимый спрыгнул на землю. Пришла очередь сына авахи. Прыгнул Буруннюк к колесу и стал вращаться. Сделав семь кругов, он не выдержал и свалился в костер. Начали у него стягиваться сухожилия, обгорела спина, со свистом стал лопаться живот, и он испустил дыхание.

Поблагодарил Коколдокон Симэксин-старушку и вернулся на родину Дюгирманди. Обрадованная Солкондор-красавица угощала Коколдокона чем только могла. Так жили они втроем: Коколдокон, Солкондор и ее дочь Инмэкэн.

Прошло три года и вернулся богатырь Дюгирмандя. Все это время он простоял серебряным столом и кормил всех обиженных.

После этого сыграли свадьбу Коколдокова и Инмэкэн. Затем со своей молодой женой Коколдокон вернулся домой.

Не раз еще отправлялся в свои странствия по всем трем мирам наш маленький, но удалой богатырь. И если

пересказывать все его странствия, битвы и победы над злыми чудовищами из Нижнего мира, то понадобится написать толстую-претолстую книгу. А в эвенкийских сказаниях — нимигаканах подробно рассказывалось о всех путешествиях и битвах прославленных богатырей-мата, вот почему они были так длинны и исполнялись в течение многих дней и ночей.

НЮНГУРМОК

В те давние времена, когда наша Средняя земля только зарождалась и была еще величиной с лосиное ухо, когда дерево впервые становилось деревом, а гора была величиной всего-навсего с беличий хвост, когда впервые голец заблистал, как белая шкурка горносталя, жила одна-одинешенька на этой Средней земле, называемой Дулин Буга, девушка по имени Нюнгурмок. Кто были ее родители, и были ли они вообще, она не знала. Так жила она очень долго, а сколько именно, не только нам, но и ей было неизвестно.

Стала она замечать вдруг, что живот ее почему-то увеличивается с каждым днем. Откуда ей было знать, что это ребенок у нее растет. С удивлением ждала она, что будет дальше. Но вот настало время ей родить. Затруднилось ее дыхание, разум помутился, и она потеряла сознание. Когда пришла в себя, то вдруг услышала позади чьи-то слова:

— Мама, мама, холодно мне, холодно! Дрожу весь и не знаю как согреться! Поскорее же спаси меня, я ведь от тебя родился! Родился я чтоб опекать тебя на старости лет, чтоб быть тебе опорой. Скорее заверни меня во что-нибудь, не то я умру от холода! Я — мальчик, твой сын!

От большой радости не чувствовала наша Нюнгурмок даже боли, быстренько завернула она своего сына в шкуры и стала убаюкивать его.

А сынок ее, переночевав одну ночь, стал годовалым ребенком, двое суток прожив, стал как двухлетний ребе-

нок. А прожив трое суток, попросил свою мать сделать ему лук. Мать смастерила сама лук со стрелами, и сын начал добывать зверей.

Однажды, встав ранехонько, мальчик побежал в лес и вернулся с убитым дятлом. Съели они его и легли спать. Наутро опять ушел в тайгу сын и принес глухаря. На другой день он принес трех убитых диких оленей, привязав их к завязкам кафтана. Вот каким богатырем он уже стал! Стали они жить-поживать, не зная печали. Мать была очень довольна теперь своей жизнью, часто думала она при этом:

— Вырастет мой сын и станет хозяином Средней земли. Очень я благодарна судьбе, что есть теперь у меня сын.

Сколько они так жили, кто его знает. Но однажды вдруг подул сильный ветер, затем слышались чьи-то слова:

— Кимо-кимо, кимонин! Сестрицы мои дорогие, здесь где-то жила одиноко сиротка Нюнгурмок, но теперь, кажется, у нее появился сын. Давайте приземлимся и посмотрим на него! Посмотрим немного и полетим дальше!

И после этих слов приземлились у дверей чума три красавицы, имеющие белые крылья. Это были небесные девицы-киливли. Одна из них, видимо, старшая из всех, заговорила так:

— Рожденная на Средней земле, одинокая девушка по имени Нюнгурмок, прими наш привет! Открой дверь своего жилища-утэна, мы пришли познакомиться с тобой и твоим сыном. Мы дочери Геван-старика, небесные девицы-киливли, путешествующие по всем трем мирам на своих крыльях. Твой сын родился настоящим богатырем, ежедневно прибавляет он в росте на большой палец, имя его — Хуругучон. Мы пришли навестить вас, посмотреть на твоего сына-богатыря. Я — старшая из сестер, по имени Солкокчон, среднюю сестру зовут Дарпек, а младшую — Секак. Тетушка, хозяйка Средней земли Нюнгурмок, мы очень спешим домой! На нашей родине настоя-

щий содом, потому что наступает время прибытия со всех сторон атаманов авахов и наших богатырей Верхнего мира на игрища и сражения. Поскорее открой нам дверь!

Нюнгурмок открыла дверь и впустила девиц. Быстро сварив мясо, она угостила небесных девиц. Они сразу засобирались дальше в путь. Попрощавшись, девицы улетели.

Но сын Нюнгурмок, выраставший ежедневно па большой палец богатырь Хуругучон, задумал догнать этих девиц. Никак не сиделось ему дома, хотелось ему постранствовать по землям, посмотреть что за земли есть еще на свете. Хоть и не отпускала его мать, но мысль о преследовании девиц не выходила у него из головы. Наконец, он не выдержал и, ничего не сказав матери, погнался за ними. Трижды перевернувшись, обернулся он пестрым щенком и побежал по их следу.

Долго он бежал по следу девиц, уж стал их настигать.

Между тем девицы добрались до своего дома, приземлились у дверей своего жилища и старшая запела:

— Кимо-кимо, кимонин! Отец наш, Геван-старик, добрый привет прими. Это вернулись мы, твои дочери, хорошо мы постранствовали по белу свету! Мы видели бабушку по имени Нюнгурмок, хозяйку Средней земли. Видели ее сына — парнишку Хуругучона, очень славный ребенок, большим богатырем станет! Только когда мы летели, то видели, что за нами увязался какой-то пестрый щенок, но потом он куда-то пропал. Отец, приготовь нам побыстрее еду и нарядную одежду, скоро начнутся игрища и состязания богатырей Верхнего и Нижнего миров!

Когда девушки входили в дом, наш богатырь, обернувшись иголкой, зацепился за платье одной из сестер и проник вместе с ними в дом. Там он спрятался в игольнице Солкокчон и пролежал в ней трое суток.

Между тем вдруг налетел ветер, поднялась метель. Она предвещала о приходе атамана Нижнего мира авахи Сэлэргуна Сэвэенди. Он давно слышал о трех славных

небесных девушках и решил жениться на какой-либо из них. Приблизился он к дому Геван-старика и заговорил:

— Конгордонин, конгордонин! Геван-старик, прими мой привет! Это пришел я, атаман авахов Нижнего мира по имени Сэлэргун Сэвэендя. Я давно прослышал о твоих дочерях, по-хорошему или по-плохому, но ты выдашь одну из них за меня замуж. А хочу я жениться на твоей дочери по имени Солкокчон. Скорее шевели мозгами да отвечай!

Богатырь Средней земли Хуругучон, услышав такие слова авахи, лежа в игольнице, не вытерпел такой наглости. Выкатившись из игольницы и трижды перевернувшись, он опять стал самим собой и направился навстречу авахи. За эти три дня, что пролежал он в игольнице, наш богатырь еще вырос и был теперь гораздо больше и сильнее прежнего. Проваливаясь в мягкую землю по щиколотку, а в твердую по самые бедра, он подошел к атаману авахов и заговорил:

— Гье-гье, гьекэнин! Я богатырь Средней земли по имени Хуругучон, где же это видано, чтоб авахи жепился на девице неба! Не отдам тебе добром Солкокчон-красавицу, давай биться, кто победит, тот и женится на ней.

Сэлэргун Сэвэендя в ответ:

— Конгордонин, конгордонин! Хоть ты и богатырь Средней земли, прибавляющий ежедневно в росте на большой палец, но не окрепло еще твое тело, не налились мускулы богатырской силой, не окрепли сухожилия, мал ты еще со мной сражаться! Я побеждал богатырей и сильнее тебя! Иди-ка ты лучше домой, зря только погибнет зарождающееся человечество, зря будет уничтожен дух-хозяин Средней земли. Если ты все же хочешь сразиться со мной, то мои друзья Нижнего мира будут очень довольны, попробовав человечьего мяса!

Рассердился на такие слова наш богатырь, быстро приблизился он к атаману авахов и ударил его прямо в основание уха! Не успев опомниться, авахи трижды перевернулся в воздухе и упал на землю. Начали они

биться. И так, и эдак бились. Три года бились, никто никого не мог одолеть. Но вот авахи Нижнего мира Сэлэргун Сэвэендя запросил пощады:

— Не думал я, что на Средней земле есть такой сильный богатырь! Если б знал, то не стал бы с тобой сражаться.

Но Хуругучон бросил в последний раз Сэлэргуна оземь и перерезал ему горло своим имеющим четыре рукоятки ножом. Расправившись с Сэлэргуном, Хуругучон пришел к старику Гевану. Не успели они и договориться о чем-либо, как опять задул ветер, поднялась пурга среди ясного неба. Опять она извещала о приходе какого-то богатыря. Как только затих ветер и перестал идти снег, появился красивый белолицый богатырь. Подойдя к дому Геван-старика, он заговорил:

— Эрил-дорил, эрил-дорил! Я сын Нюнгурмок, зовут меня Хуркокчон богатырь. Если вы хотите знать зачем я сюда пожаловал, то отвечу вам, что я разыскиваю своего брата Хуругучона богатыря. Его, вероятно, похитили дочери Гевана-старика. Идя по его следам, я пришел к вашему жилищу. Не знаете ли вы его? Не можете ли указать, где он находится?

Вышел Хуругучон навстречу брату и говорит ему:

— Я и есть твой брат Хуругучон. Когда же ты успел родиться, а я и не знал, что у меня родился брат. Я победил Сэлэргуна Сэвэендю, атамана авахов Нижнего мира, я развеял его пепел и спас дочь Геван-старика Солкокчон-красавицу. Теперь я женюсь на ней. Ну а ты, поскольку ты мой брат родной, женись на средней дочери Геван-старика — девице Дарпек. Потом уж вместе вернемся домой. Обзаведемся семьями и станем хозяевами нашей Средней земли Дулин Буга.

Придя к старику, Хуругучон обратился к нему с такой речью:

— Я отважно сражался с Сэлэргуном Сэвэендей, я спас вам жизнь. Не будь меня, атаман авахов потушил бы ваш очаг, развеял бы пепел. Теперь же я хочу взять

в жены Солкокчон-красавицу, а своего брата женить на Дарпек красавице. Согласен ли ты, Геван-старик, и вы — дочери его?

Старик Геван согласился отдать своих дочерей и справили большую свадьбу. Пожив немного, братья со своими женами отправились к себе на родину. Мать их Нюнгурмок, стала уже старушкой, она была очень рада, что наконец-то вернулись ее сыновья. Зажили они все вместе дружно и счастливо.

Вскоре у Хуругучона родился сын. Рос он также быстро как и отец, но был гораздо сильнее отца. Вот он уже и охотится самостоятельно: приносит сразу по несколько убитых диких оленей, привязав их к завязкам кафтана. Однажды охотясь, он увидел маленькую птичку и хотел поймать ее. Но она отлетев от него, стала дразнить его. Как же она дразнила его? Отлетев и сев высоко на ветку дерева, она чирикала:

— Эх ты, большой да быстроногий, не имеющий имени парнишка! Еще хочешь поймать меня, сначала имя себе получи, потом уж гоняйся за мной!

Пришел домой мальчик, сбросил с себя убитых зверей, сел напротив отца и матери и заговорил:

— Уважаемые родители мои, родившие и воспитавшие меня, теперь уж я достаточно большой, чтобы получить имя, а то всякие мелкие букашки да птички смеются надо мной, говоря, что я до сих пор без имени хожу. Скорее дайте мне имя!

Переглянулись отец с матерью, заулыбались и, сказала мать в ответ на его слова:

— Ну что ж, будешь называться ты на Средней земле так же как и дядя твой — Хуркокчон богатырь. Если сможешь достигнуть в своих богатырских путешествиях Верхней земли, то получишь имя другое — там ты будешь называться богатырем Чивкачатканом, что означает птица-богатырь. — Прожив так еще немного, младший Хуркокчон богатырь захотел постранствовать по белу свету.

Стал он просить своих родителей:

— Теперь достаточно возмужал я, не расти далее ни рогам, ни копытам большего положенного, хочу я, дорогие мои родители, пуститься в странствия. Надо же мне найти себе спутницу жизни, не знаете ли вы в какой стороне есть подходящая для меня девушка? Укажите мне дорогу, какие бы ни были трудности, я справлюсь с ними, каких бы ни встретил богатырей — не поддамся им.

Тогда сказала ему мать:

— В стороне, где восходит солнце, на краю земли есть князь из князей — Геван-старик. Есть у него дочь по имени Уняптук. Никто из богатырей ни Верхнего, ни Нижнего мира не может взять ее в жены, потому что она девица-богатырша, всех побеждает. Очень далеко находится эта страна, четвероногий зверь, четырежды принеся потомство, доходит до этой земли, а имеющая крылья птица, дважды снесши яйца, достигает той земли. Разве ты отправишься так далеко? Если решишься пойти туда, то посоветуйся со своей бабушкой Нюнгурмок.

При этих словах наш молодой герой выскочил из утэна, обернулся лебедем, и кружа над утэном запел:

— Дэгри-дэгри, дэгримой! Отец мой богатырь Хуругучон, мать моя Солкокчон, бабушка Нюнгурмок, улетаю я, став крылатой птицей!

Услышав его, бабушка Нюнгурмок торопливо выбежала из своего утэна и стала давать наставления своему нетерпеливому внуку:

— Внучек мой, дитя мое! Выслушай меня внимательно, прежде чем улететь! В той стране, куда направляешься ты, слабым и делать нечего! У твоего отца есть лук, сделанный мною из одной половины лиственницы и стрела, сделанная из другой половины. Возьми их, они тебе пригодятся. Если ты выстрелишь, хорошенько благословив лук, то стрела сможет пробить и далекую черную тучу! Удачного пути, возвращайся домой! — С этими словами бросила она лук, и Хуркокчон подхватил его на лету. Поднялся высоко, под самые облака, и полетел в сторону восхода солнца. Долго ли, коротко ли летел он,

и сам не знал. Летел и летел вперед в сторону восхода солнца, летел то ли три дня, то ли три месяца, а может быть, и три года. Наконец, впереди показался табор Геван-старика. Летит наш герой, посмотрел вниз и видит: что-то такое сплошь заполнило долину зеленую.— Не камни ли это?— подумал он. Но когда подлетел поближе, то разглядел, что это множество скота пасется в долине. А то что он сверху принял за кочки, оказалось табунами лошадей. Опустившись у двери дома старика Гевана, наш богатырь запел:

— Дэгри-дэгри, дэгримой! Дед мой, Геван-старик, пришел к тебе богатырь Хуркокчон, сын богатыря Хуругучона и Солкокчон-красавицы. Открой мне свою большую дверь, прими мой привет, а потом будет большой разговор!

Открыл дверь Геван-старик, впустил нашего богатыря и начал рассказывать ему:

— Как хорошо, что ты пришел! Сейчас здесь находится богатырь авахов Сэлэргун Сумуендя. И богатырь Верхнего мира здесь же. Оба они прибыли, чтоб взять в жены мою дочь богатыршу Уняптук, девицу-красавицу. Три года уж бьются они, никто не может одолеть. Скоро кончится их трехмесячная передышка, и они опять начнут биться.

Пошел Хуркокчон к месту битвы и видит: стоят два лабаза на месте битвы, на одном лабазе спит-отдыхает богатырь Верхнего мира, на другом — богатырь-авахи. Снег в три вершка высотой покрыл их, так как спали-отдыхали они уже ровно три месяца. Подошел Хуркокчон к лабазу, где спал богатырь Верхнего мира Монгуличон. Пнув ногой лабаз, разбудил богатыря и начал говорить:

— Богатырь Верхнего мира, имеющий золотое одеяние и называемый Монгуличоном богатырем, вначале прими привет от меня, а потом будет разговор! Я Хуркокчон богатырь, пришел к старику Гевану за его дочерью Уняптук-красавицей. Расскажи толково — кто ты родом-племенем будешь и что делаешь здесь?

Проснувшись богатырь даже не поздоровался с нашим богатырем и сказал:

— Чего ты разбудил меня? Да не торчи ты передо мной! — сказав это, он опять лег спать. Рассердившись, Хуркокчон направился к лабазу, где спал Сэлэргун Сумуендя и в сердцах саданул по лабазу ногой со всей силой! Задрожал лабаз, а авахи скатился с него на землю. Ни в чем не разобравшись, он наскочил на спящего богатыря Верхнего мира и стали они опять биться насмерть. А наш герой стал прогуливаться, наблюдая за битвой и в душе был сильно огорчен, что его даже не замечают. Долго бились богатыри, вот стал богатырь Нижнего мира побеждать. Видя, что не выдержать ему этой битвы, богатырь Верхнего мира Монгуличон начал говорить:

— Видно настал день моей смерти, этот людоед и убийца одолевает меня. Где же мой спаситель? Где же богатырь Средней земли Хуркокчон, куда же он ушел, неужели не поможет мне? Вот и настал час моей смерти!

Услышав это, забыл обиду на богатыря Верхнего мира наш богатырь, пожалел его и пошел ему помогать. А Сэлэргун Сумуендя уже вовсе одолел Монгуличона, уж и грызть его начал. Как увидел такое Хуркокчон, не выдержал, налетел точно вихрь на авахи, смял его, начали теперь они биться между собой. И так, и эдак они бились на кулаках, но никто не мог победить. Тогда авахи говорит:

— Конгор-конгор, конгордонин! Богатырь Средней земли Хуркокчон, не можем мы победить друг друга врукопашную, давай сразимся на луках!

Хуркокчон на это согласился. На обоих концах большого поля для поединков было по огромной яме, на дне которых находились железные кольца с заостренными верхушками. Встав друг против друга на краю этих ям, они приготовились стрелять. Кто-то из них будет сражен меткой стрелой и упадет в страшную яму, откуда не сможет выбраться и погибнет. Вот авахи говорит:

— Я родился раньше тебя, раньше и выстрелю!

А наш богатырь, подойдя к краю ямы произнес такие слова:

— Дед мой Геван, Уняптук-красавица, иду я под стрелу! Если она попадет в меня, то потемнеет солнце. Так вы узнаете о моей смерти!

Авахи приготовился стрелять и стал заговаривать свой лук:

— Большущий железный лук мой! Спусти стрелу в самую печень этого богатыря!

Сказав этого — выстрелил. Удар большого пальца его раздался по земле, свист стрелы пронесся по небу. Но увернулся Хуркокчон, стрела пролетела мимо, задев его кафтан. На миг померкло солнце, но тут же стало сиять пуще прежнего. Теперь была очередь Хуркокчона. Стал заговаривать он свой лук такими словами:

— Ну-ка, лук мой большущий, сделанный моей бабушкой Нюнгурмок из одной половины лиственницы, большая стрела моя, сделанная из другой половины той же лиственницы, пронзите этого врага людей!

Удар большого пальца раздался по земле, звук стрелы прогремел высоко в небе. И стрела Хуркокчона пронзила черную печень Сумуенди и он свалился в яму с железными острыми кольями.

Хуркокчон взял в жены Уняптук-красавицу и вернулся домой. С тех пор он живет на Средней земле.

КОРЭНДО И УНЯНЫ

У эвенков был праздник, они пели и плясали весь день и всю ночь напролет. Их было так много, что шум от их песен и плясок разносился далеко-далеко. Злой и страшный враг эвенков Корэндо услышал веселые звуки песен и танцев. Надев свои огромные железные крылья, он собрался лететь, чтоб съесть всех эвенков. Люди веселились, пели и не думали о горе. Одна старуха была слишком стара, поэтому она не пела и не танцевала. При-

слушавшись, она издалека услышала шум железных крыльев Корэндо.

— Прекратите петь и плясать в ночную пору, — сказала она людям. — Услышит Корэндо и прилетит сюда. Кажется, я уже слышу свист его железных крыльев.

Но никто не послушал ее, и все продолжали петь и плясать.

Налетел страшный и громадный Корэндо, промотил всех эвенков вмиг, только старуха успела спрятаться под котел и уцелеть. Корэндо ее не заметил и улетел, съев всех эвенков.

Оставшись одна-одиношенька, старуха с тоски однажды пошла на берег реки и увидела тетеревов. Она спугнула их, увидев тетеревиный помет, собрала его, принесла домой, положила в люльку и стала качать. Качала-качала люльку-эмкэ, но тетеревиный помет развалился, и ей ничего не оставалось, как выбросить его. Жила она так всю зиму одна. Скучно и тоскливо было ей. Грустно смотрела она на пустую люльку-эмкэ, думая:

«Был бы хоть один ребеночек у меня, из него бы вырос человек, а то ведь я умру и не останется на земле эвенков».

Наступила весна. Птичьи стаи вернулись на землю. Пошла старуха опять к реке — а там плавают гуси. Спугнула старуха гусей, они улетели. Стала она ходить по берегу и собирать гусиный помет: «Положу его в люльку и буду качать ее, будто есть у меня ребенок». Принесла гусиный помет домой, положила в люльку-эмкэ и начала качать. Качала-качала — вдруг из люльки донесся слабый писк, похожий на плач ребенка. Чтобы плач прекратился, старуха стала качать сильнее, потом заглянула старуха в люльку — а там младенец лежит. Обрадовалась старуха, стала она воспитывать ребенка, и назвала Уняны. Научившись ходить, он стал охотиться. Однажды он принес пташку-шипелку и говорит старухе:

— Бабушка, бабушка, не этот ли съел всех моих со-родичей?

— Нет, сынок, это божья тварь, не убивай ее, не он съел твоих сородичей, поди отнеси его туда, где поймал и отпусти.

Отпустил пташку Уняны, поймал рябчика и спрашивает у старухи:

— Бабушка, бабушка, не этот ли съел моих сородичей?

— Нет, сынок, это божья тварь, поди отнеси его на место и отпусти.

Всех зверей перетаскал ей Уняны, спрашивая, кто съел его сородичей: и оленя дикого, и лося, и рысь, и волка, и медведя. Наконец старуха сказала:

— Твоих сородичей съел Корэндо, он улетел вверх.

Уняны стал ковать себе крылья из котла, который когда-то спас старуху от смерти. Выковал, надел их, поднялся в небо. Летя, спрашивает у старухи:

— Бабушка, бабушка, так ли летал Корэндо?

— Нет, дорогой,— отвечает старуха.— Он летал выше.

Опустился на землю Уняны и стал увеличивать свои крылья, расплавив для этого крышку котла. Опять поднялся в небо и спрашивает у старухи:

— Бабушка, бабушка, так ли летал Корэндо?

— Нет, миленький, он летал гораздо ниже тебя.

— Бабушка, бабушка, а в какую сторону улетел Корэндо?

Старуха указала, куда улетел Корэндо и Уняны полетел искать злого разбойника, съевшего всех его сородичей. Долго летел он. Долетел до первой жены Корэндо. Видит: рядом с жилищем жены Корэндо построена ровная площадка для посадки. Опустился Уняны на нее и спрашивает:

— Скребок, Скребок (так звали первую жену Корэндо)! Скажи, далеко ли то место, где садится Корэндо?

— Ишь ты какой смелый, куда тебе до Корэндо, еще захотел сравниться с самим Корэндо!— отвечает жена разбойника.

Рассердился Уняны, сломал место посадки Корэндо и полетел дальше. Долетел он до второй жены Корэндо, сел на место посадки Корэндо и спрашивает:

— Мялка, Мялочка, далеко ли до Корэндо?

— Ишь ты какой смелый!— отвечает вторая жена Корэндо, которую звали Мялкой.— Тебе ли сравниться с Корэндо!

Рассердился Уняны, сломал место посадки Корэндо и полетел дальше. Так он побывал у Игольницы (третьей жены Корэндо), у Брусочка (четвертой жены) и прилетел к пятой жене. Сел на посадочное место Корэндо и спрашивает:

— Футляр для наперстка (так звали пятую жену Корэндо), скажи мне где Корэндо.

А Корэндо, оказывается, находится у своей пятой жены.

— Корэндо, Корэндо! Выходи, будем биться, пришел я отомстить за своих братьев и сестер! Давай полетим на середину матери-моря и там над водой посостязаемся в силе!

— Подожди, вот поем,— отвечает Корэндо.

— Нет, пошли биться,— говорит Уняны,— буду я мстить за своих братьев и сестер!

— погоди, портки надену.

Наконец они полетели к самой середине моря и стали биться. Долго бились, но Уняны мог подниматься в воздух гораздо выше злого разбойника Корэндо. Когда Корэндо пытался сломать крылья Уняны, тот поднимался высоко в небо, а у Корэндо кружилась голова на этой высоте. Переломал Уняны злему разбойнику крылья, Корэндо упал в море и утонул. Вынул его Уняны из морской пучины, распорол ему живот, из брюха его вышло много эвенков.

Так родившийся из гусиного помета Уняны победил злого разбойника Корэндо и спас эвенков.

ТРИ СЕСТРЫ И ЧУДОВИЩЕ-МАНГИ

На берегу одной реки жили-поживали три сестры. Жили они одни, никого кроме них не было в этой стороне. Ловили рыбу, пасли оленей, охотились — все делали сами. Однажды пошла старшая сестра на берег реки и видит: лежит на берегу маленький ребенок и плачет. Обрадовалась девушка, взяла ребенка и несет его домой. А плачет-то он грубым голосом, как будто и не ребенок вовсе. Принесла она его, показывает сестрам и говорит:

— Смотрите, сестрички, я ребенка нашла. Давайте его будем воспитывать, ведь у нас нет детей. Только плачет он почему-то странно, как взрослый мужчина.

Взяли его девушки и растят как свое дитя. Быстро растет он, вот уж из колыбели выходит, играет сам. Только уж больно груб его голос, да ест он так много, что сестры просто уже и накормить его досыта не могут. Однажды, не наевшись досыта, он стал просить еще чего-нибудь.

— Да что ж еще-то тебе сварить, и так уж скоро всех оленей перережем из-за тебя, так много ты ешь! — сказала младшая сестра. Обиделся мальчишка, рассердился и говорит:

— Раз уж вы не можете досыта накормить меня, пойду-ка я на реку, да сам рыбы наловлю себе, негодницы вы такие! — И пошел на реку. Не понравилось это сестрам: как же можно так говорить, когда они и так стараются, все что ни добудут, все он съедает. Задумалась младшая сестра и пошла за ним потихоньку, идет и подсматривает, что он делать собирается. А парнишка, ворча, добрал до реки, забросил удочку и начал ловить рыбу. Вынул первую рыбку, бросил ее на песок, приговаривает: «Поймалась рыбка, шлеп тебя на берег, лежи да не трепыхайся!»

Поймал другую рыбу, кинул ее на песок да говорит: «Поймалась рыбка, бух тебя на берег, лежи да не тре-

пыхайся, вот я скоро съем вместе с этими девчонками, зажарю вас всех вместе и наемся наконец как следует!»

Услышала это младшая сестра и побежала домой. Прибежала и говорит:

— Сестры мои дорогие, воспитываем-то оказывается мы не настоящего ребенка, оборотень он, чудовище-манги, съесть он всех нас хочет. Надо быстрее убегать!

«Что же делать?» — думают сестры. И решили они его обмануть. Как только пришел парнишка домой, сварили они в самом большом котле мясо и говорят ему:

— Вот мы мясо тебе сварили, много мяса, накормим тебя досыта. Ты уж не сердись на нас, садись-ка посередке, вот сейчас мы с костра котел снимем и поставим его сюда.

Принесли котел, подойдя сзади, опрокинули на него горячий бульон с мясом и бежать. Вскочили на своих ездовых оленей и погоняют их, прихватив с собой только гребень, сковородку и скребок для выделки шкур-кэдэрэ. Гонят оленей во всю прыть, торопятся. А чудовище-то уж нагоняет их, опять принял свой вид, теперь-то уж ему нечего прятаться. Большущий котел так и остался у него на голове, бежит да гремит: капгир, капгир! Вот уж настигает их. Бросила тут младшая сестра свой гребень и сказала:

— Гребень мой, гребень мой! Превратись в непроходимую чащу! Защити нас от чудовища-манги!

Только сказала, как вырос позади них густой-прегустой лес, застрял там манги, не может пробраться через лес. Стал он грызть лес железными зубами, выдергивать деревья своими огромными ручищами. Пока он возился, успели девушки отъехать далеко. Но вот опять слышат, как гремит котел на голове манги, опять он настигает их. Вот-вот догонит! Бросила вторая сестра сковородку и сказала:

— Разлейся после нас огромное озеро!

Вмиг появилось огромное озеро, загородило путь чудовищу. Стал он пить воду, пьет, пьет, очень много вы-

нил, стало оно мелким, перешел его манги и опять догоняет девушек. Вот-вот догонит. Бросила третья сестра скребок для выделки шкур со словами: «Превратись в неприступную скалу, защити нас от манги!»

Вмиг выросла огромная скала, загородила путь чудовищу. Карабкается он на нее, выгрызая уступы и ступени, чтоб перебраться через нее. Долго он возился, сестры успели далеко отъехать. Подъехали к большой реке и остановились, не зная, как ее перейти. Смотрят — а на той стороне маленькая седая старушка, хозяйка реки Аччекай чистит песком свой большой закопченный котел. Стали просить ее сестры:

— Энекэ Аччекай! Помоги нам перейти реку!

— Погодите, вот котел свой дочищу!

— Энекэ Аччекай! Злой манги гонится за нами, хочет съесть нас, перевези нас быстрее через эту реку!

Села старушка на берег, вытянула одну свою ногу. Нога ее стала удлиняться, удлиняться и вскоре достигла берега, на котором стояли девушки. Поехали они по ее ноге прямо на оленях. Только доехали до колена, как старушка спросила:

— Ну как, нравится вам такая переправа?

— Спасибо тебе, Энекэ Аччекай! Спасла ты нас от чудовища! Благодарны глубоко мы тебе! — ответила за всех младшая сестра.

Только они переправились через реку как опять услышали, как гремит котел на голове чудовища: кингир, кингир! Спрятала их старушка под котел вместе с оленями, а манги уж на другой стороне реки и кричит:

— Аччскай, Аччекай! Перевези меня через реку, убежали от меня девчонки!

— Погоди, вот котел дочищу!

— Нет-нет! Переправь меня быстрее через свою реку!

Протянула старушка ногу от берега к берегу, побежал по ноге манги, гремя котлом. Как добежал он до старушкиного колена, она спрашивает его:

— Ну как тебе моя переправа? Нравится?

— Еще и спрашивает, негодная старуха! Так тонка твоя нога, что по ней трудно бежать, как бы мне в воду не свалиться!

— Не нравится тебе моя нога, так переправляйся как сам можешь!— сказала так старушка и подогнула ногу в колене, Манги и свалился в воду, поплыл по реке, стал тонуть да кричит еще:

— Проклятые девчонки! Теперь-то уж из глаз моих бусы себе сделайте, из костей рук моих костыли себе сделайте, из костей ног моих крюки для подвешивания над костром котлов сделайте!

С тем и утонул.

МАНГИ-ДЕРОМГО

В давние-давние времена, когда еще на Средней земле не было людей, жили на ней великаны манги. Жили они около больших рек, охотились на зверя и ловили рыбу. Великаны-манги были очень огромны и жили очень долго, один только день их равнялся ста годам. Охотясь на диких зверей, они перешагивали большие реки как маленькие ручейки, шутя перепрыгивали необозримые по величине озера и болота. Но по сравнению с людьми они были не так уж умны, они были глупы как неразумные малые дети.

В то самое время жил на берегу одной большой реки великан со своей женой и дочерью. Долго жили они, уж и стареть начали, а сына у них все не было.

Но вот на старости лет родила наконец великанша сына. Сынок ее был так велик, что его голова возвышалась на плечах, как огромный холм. А три громадных глаза торчали во лбу как большие озера. Как только он родился, он тут же начал ходить, подражая отцу, стал охотиться. Охотясь, он ежедневно приносил обильную добычу. Охотился же он без лука и без стрел, ловко подкарауливал птиц и зверей, ловил их голыми руками. А чтобы

мясо дольше не портилось, он не убивал до смерти животных, а только скручивал им головы и полуживых нес домой.

Сестра-великанша очень завидовала успехам брата, и однажды напросилась с ним на охоту, чтоб научиться у него ловко ловить зверей. Отправившись вместе с сестрой на охоту, брат стал учить ее своим способам охоты, но она никак не могла усвоить все хитрости и уловки брата. Надоело брату все объяснять ей, да еще тут она стала приставать с расспросами — как и что он делает, отчего его добыча долго не портится. Наш же герой, как и все великаны-манги не блистал умом, да и порядочно надоело ему объяснять неконятой сестре — где, что и как.

— А я делаю вот так, — сказал он и свернул сестре шею. Затем вместе с добытыми зверями принес ее домой и бросил у входа в жилище. Мать стала разбирать добычу, увидела среди зверей свою дочь и сказала мужу:

— Это что за зверь, как он похож на нашу дочь!

— Да это же и есть наша дочь! — воскликнул великан-отец. — Это наш сынок свернул ей шею, ведь она с ним отправилась на охоту. Негодный глупый сын! Он что, не мог отличить свою сестру от зверя?! Надо жестоко наказать его за это!

Мать бросилась к дочери и стала распрямлять ей шею, дочь осталась жива. Наш же герой, испугавшись гнева отца-великана (ведь он грозился и ему свернуть шею, как сделал он это с сестрой), убежал из дому.

Много времени бродил Манги-Деромго, по лесу, таким было его имя теперь, и вот однажды, когда он отдыхая сидел, и смотрел на хрустальный свод неба, прозрачным колпаком окружающий землю, ему пришла в голову мысль попасть туда. Но попасть в тот мир было непросто, так как туда можно было попасть только через отверстие Сангар. Отверстие Сангар находилось где-то на краю земли, где вершины земного леса касаются неба, местонахождение его было известно только богу Эксэри, черту Харги и великой птице Догивки, летающей в потусторон-

ний мир. Отверстие Сангар может изредка найти и простой человек, но только это бывает очень редко. Отправился Манги-Деромго на край земли, перешагивая реки и озера, перепрыгивая великие хребты и горы, вскоре он добрался до края земли. Долго он искал отверстие Сангар, но никак не мог найти. Подумав, он решил найти птицу Догивки, которая летает по своим делам и в Верхний мир и в мир мертвых. Наконец он нашел птицу Догивки, когда она отдыхала на вершине одного большого скалистого утеса. Добыв несколько зверей, Манги угостил Догивки и попросил помочь ему попасть на Верхнюю землю. Птица сказала:

— Запаси еды на три года, одежды, дров и воды. Построй балаган.

Манги-Деромго тут же сделал: запас еды на три года, дров и воду. Все что приготовил, он положил в балаган, а сам балаган водрузил на спину птице Догивки, и они полетели. Долго летели они, а сколько именно — никто не знает. Наконец птица остановилась и сказала:

— Долетели.

Обрадовался Манги, выскочил из балагана, огляделся вокруг — никого нет. Только лестница ведет вверх. Догивки сказала: «По этой лестнице лезь вверх. Долезешь до дыры Сангар и по ней проникнешь в Верхний мир». Сказав это, птица улетела. Манги полез по лестнице вверх и вскоре достиг конца лестницы. Край лестницы упирался в маленькую дыру. Полз он в полной темноте, но вскоре впереди показался далекий свет. Вылезши из дыры, Манги увидел, что он находится в Верхнем мире. Манги встал на свои лыжи и помчался по небесному своду, гладкому как лед. По пути он нагнал двух путников, спросил кто они и как их зовут. Одного звали Торопливый, а второго Хвастун. Они сказали, что преследуют лося, но скоро уж наступит утро, а потому Торопливый торопит своего друга Хвастуна идти быстрее, чтоб лось к утру не скрылся из виду. Наш герой попросился в их компанию и они согласились. Погнались все втроем

за лосем. Торопливый все время беспокоился и торопил товарищей, а Хвастун не обращал на него никакого внимания, а только все время поправлял за своей спиной котелок и все хвастался, что уж он-то не упустит лося, и первым настигнет его. И пока двое его спутников догонят его, он уж успеет и мясо в своем котелке сварить. Вскоре Торопливый и Хвастун остались далеко позади, ведь наш герой мчался на своих лыжах гораздо быстрее их. Как ветер мчался Манги-Деромго за лосем, пересек небесный свод, и перед полночью увидел лося с левой стороны от себя. Прицелился Манги-Деромго, пустил стрелу под лопатку лосихе и убил ее. С ней был еще годовалый теленок, он с перепугу метнулся в сторону, упал в дыру Сангар и полетел на землю. От этого теленка пошли земные лоси, говорят эвенки.

Манги-Деромго стал разделявать лося и дожидаться своих товарищей, которые пришли только под утро. В каждую ясную ночь можно увидеть на небе охотничьи подвиги нашего героя: след от его лыж белой неровной полосой протянулся по небу. Слева от лыжни Манги-Деромго четыре звезды обозначают лосиху, одна — лосенка, левее большая звезда с находящейся рядом неяркой небольшой звездой — Хвастун с котелком, а еще левее — Торопливый. Манги-Деромго с правой стороны небесного свода, шесть звезд, ниже три звезды обозначают его двухконечную стрелу.

Оставив охотников, наш герой пошел рыскать по небесному своду в поисках его жителей. Когда он достиг середины неба, то вдруг увидел золотой шатер, который висел в воздухе, не касаясь небесного свода. С трудом Манги-Деромго проник в шатер, там его встретила старуха. Эта старуха была покровительницей земли и всего живого на земле. С ней жила ее красавица-дочь. Хозяева золотого шатра встретили Манги-Деромго гостеприимно и радушно. Накормили, высушили его одежду и предложили ему остаться у них. Манги-Деромго понравилась дочь хозяйки, он женился на ней и стал небесным жите-

лем-охотником. Живя на небе, он не забывал земли. При каждом удобном случае стоял редких путных зверей к небесному отверстию Сангар, делая их достоянием земных охотников.

Прошло немало времени, великан Манги-Деромго наслаждался уютом семейного очага. Но все чаще и чаще вспоминал о земле, ему хотелось опять вернуться хотя бы ненадолго на землю и узнать о жизни родных. Все сильнее скучал он по земле, но боялся оскорбить своим отсутствием жену и тещу. В минуты тоски он уходил на край неба, и свесившись с хрустального свода, плакал, глядя на отверстие Сангар, ведущее на землю. Домой он возвращался с красными от слез глазами. Однажды теща спросила его, почему он приходит с охоты с красными глазами. Манги-Деромго неловко было говорить о своих слезах, поэтому он ответил, что при охоте ему приходится ходить по вершинам густого леса и деревья ветвями, хвоей и листьями бьют его по глазам. Тогда старуха (а ведь она была владычицей всего) пошла к краю неба, где небо соприкасалось с вершинами земного леса и стала наказывать деревья и кусты. Деревья и кусты ответили ей на это, что напрасно наказывает их госпожа-владычица, потому что зять обманул ее: не от хвои у него красные глаза, а оттого, что часами плачет он здесь по земной жизни. Узнав правду, старуха ничего не сказала зятю, когда он пришел с охоты опять с красными от слез глазами, не стала корить его, а предложила навестить землю. Дала она ему своего восьминогого коня, копыта которого были как наконечники копий, ведь только с копьевидными копытами можно было не скользя бегать и ходить по небесному своду. Вихрем помчался на землю наш герой на своем восьминогом коне. Прибыв на землю, он нашел свой родной дом, который уже врос в землю — так много лет прошло с тех пор, как Манги-Деромго покинул ее.

Привязав своего коня, наш герой подошел к шалашу и стал прислушиваться к тому, что происходило внутри

шалаша. Заглянув в одну из щелей, он увидел огромную великаншу, которая ворожила человеческой челюстью. Она подбрасывала челюсть вверх, говоря: «куварк! куварк!». Если челюсть падала кверху зубами, она радовалась и смеялась, если же падала вниз зубами, то ругалась и сердилась. Это была его сестра, ставшая людоедкой, она съела своих родителей и ворожила их челюстями: когда вернется брат, чтоб съесть и его. Брат вошел в шалаш, сестра узнала его и несказанно обрадовалась, а Манги-Деромго ведь не знал, что она собирается съесть его. Сестра стала варить угощение для брата, накормила его. Постелила ему постель, а сама легла около входа в шалаш, чтоб брат ночью не мог убежать незамеченным. Под голову себе она положила огромный топор, думая, что когда брат крепко уснет с дороги, она его сонного убьет. Брат заметил это и насторожился, стал наблюдать за сестрой, притворившись спящим. Когда он дремал двумя глазами, а третий не спал и глядел на сестру. К утру сестра-людоедка задремала. Тогда Манги-Деромго нашел клей, сваренный из рыбьих шкур, и заклеил сестре глаза. Сам же стремительно выскочил из шалаша, поспешно отвязал копя и помчался прочь. Сестра услышала копейский топот, проснулась, но никак не могла открыть глаза. Наконец ногтями продрала глаза и пустилась в погоню за братом. Восьминогий конь с трудом бежал по земле: его копьевидные копыта вязли в земле. У отверстия Саугар сестра стала нагонять брата. Конь напрягся из последних сил, нырнул в отверстие Саугар и вскочил на небо. Тут уж людоедке не догнать его. Копьевидные копыта коня хорошо держались на скользкой поверхности неба, а ноги великанши, обутые в унты скользили, великанша падала и спотыкалась.

Поспешно соскочил с коня у входа в шатер Манги-Деромго и сказал теще о грозящей им опасности. Та уснокоила его и приказала расплавить в больших котлах металлы: свинец, олово, железо, серебро и золото. Котлы поставила в ряд по дороге ведущей к шатру, а сама по-

шла навстречу великанше-людоедке. Сестра-людоедка уже приближалась к их дому. Встретив хозяйку неба и земли, великанша стала с ней бороться. Долго сражались они, целых три дня. На четвертый день, хозяйка и владычица неба и земли столкнула людоедку в котел с расплавленным металлом, она окунула ее поочередно во все котлы. Великанша рычала и кричала от боли. Обезумев, с приставшими к ее телу расплавленными металлами она бросилась бежать, да так быстро, что когда по отверстию Сангар прыгнула на землю, то разбилась на куски, рассыпав везде по земле золото, серебро, олово и свинец. С тех пор на земле появились эти богатства.

ПРИМЕЧАНИЯ

Публикующиеся в данном сборнике эвенкийские фольклорные произведения называются термином нимигакап — имеющим значение «сказка», «эпическое произведение». Представленные здесь нимигакапы в большинстве своем сокращенные эпические сказания. Например, «Богатырь Рукавичка» — это отрывок из большого эпического произведения «Иркисмондя-сопинг», записанного и опубликованного к. ф. н. А. Н. Мыреевой в книге «Фольклор эвенков Якутии» (Л., «Наука», 1971). Сказание «Нюнгурмок» записано к. н. н. А. В. Романовой и опубликовано в том же издании. Все нимигакапы, исключая «Манги-Деромго» и «Корэндо и Уняны», представляют фольклор восточных эвенков. Два последних названных произведения записаны Г. М. Василевич и В. С. Пежемским. (Материалы по эвенкийскому фольклору, Л., 1936).